

ВОЙНА

РАЗСКАЗЪ ДЯДИ ЖОРЖА

2716 1684
БИБЛИОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА

для дѣтей и для юношества.

О ■■■■■ № 56. ■■■■■ О

2716 1684 Н. И. Живаго.

ВОЙНА.

Разсказъ дяди Жоржа.

Переводъ съ французскаго.

Съ 12 рисунками переводчицы въ текстъ и на обложкѣ.

Четвертое изданіе.

Допущено въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безпл.
народныя читальни и библіотеки.

Главн. Упр. Неокл. Сборовъ призн. пригодн. для пополненія библ. попеч. о нар. трезв.

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
ХІІІ-39583
ИРМЕНЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

Москва — 1913.

Типографія „Крестнаго Календаря“, Долгоруковская улица, домъ № 33.

Война.

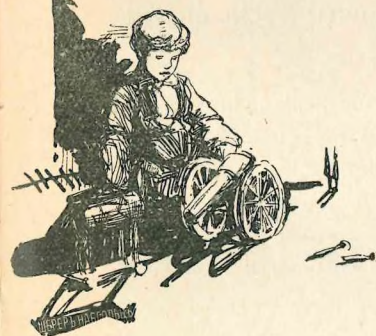
I.

Это было въ тотъ годъ, когда объявили войну. Я былъ тогда еще ребенкомъ твоихъ лѣтъ, да и ростомъ съ тебя.

Изъ-за чего воевали? За чѣмъ? Ну, на это я не сумѣю тебѣ отвѣтить. Да притомъ война, видишь ли ты, такое дѣло, что часто и въ самомъ дѣлѣ никто хорошенько не знаетъ, изъ-за чего она началась. Это дѣло тѣхъ, кто взялся править народомъ, кто стоитъ наверху; они объявляютъ войну, когда сочтутъ это необходимымъ или просто выгоднымъ для своей страны, а иногда воюютъ и противъ воли, по чужому вызову.

Какъ бы то ни было, только насъ, людей мирныхъ, у которыхъ одна забота — честно заработать на хлѣбъ насущный себѣ и своимъ, — не спрашиваютъ — быть войнѣ или нѣтъ... А ужъ разъ она объявлена, хочешь не хочешь, приходится терпѣть невзгоду.

Помню я, точно вчера это было... Отецъ долго не приходилъ къ обѣду, и мы всѣ всполошились, такъ какъ очень любили его; онъ былъ всегда добръ и ласковъ съ нами, а если и сердился когда, то только за дѣло, — мы это отлично знали.

Вернулся он уже к вечеру, и мы сразу по его лицу увидели, что он чем-то сильно расстроен.

— Плохо дело! — сказал он маме, сердито бросая на стол портфель с бумагами. — Весь город в волнении... Я дожидался последних депеш...

И он начал рассказывать что-то длинное и сложное.

Я слишком мало тогда понимал, чтобы пересказать тебе. Из-за чего ссорились, я не мог понять, — очень уж все это было путаное и очень уж много папа употреблял мудреных слов.

Мама, казалось, немного больше моего понимала.

— Как? Неужели? В самом деле? — переспрашивала она, разливая суп, и с недоумением смотрела на папу, который, развернув газету, стал читать еще что-то также непонятное для меня.

— Как? И это все? И из-за этого война? — воскликнула она, когда он кончил чтение.

— Боюсь, что да...

— Война? Здесь — у нас? Из-за каких-то там споров? Ну и пускай бы их сами распутывали... Нам — то какое дело? Мы при чем?!

— Ну, что ты говоришь!.. Мы не можем этого допустить, а за вмешательство они грозят войной. Вот тебе газеты. Ты сама можешь прочесть; они все того мнения, что война неизбежна.

— А, они того мнения...

— Мама так и замерла, и суповая ложка в ее руке несколько мгновений оставалась неподвижной на воздухе.

Папа достал из кармана еще пачку газет и протянул их маме, но она не хотела их брать.

— Нить! К чему это? Только кровь портить...

И в раздражении она так порывисто опустила ложку, что коренья запрыгали в миску и брызги супа полетели на скатерть. В другое время нам это показалось бы очень смешным, но в ту минуту мы слишком ясно сознавали, как сильно взволнована и огорчена мама: никто не улыбнулся.

— Боже мой, — продолжала она, уже не сдерживаясь больше, — сто тысяч христиан, у которых одна забота — как бы честно прожить свой век и воспитать детей, — должны друг друга убивать из-за этого спора. Да где же тут смысл человеческий, я тебя спрашиваю? Разве они воскре-

сят нам убитых? Разве вернуть все, что погубит война? Какое нам дело до всего этого вздора? За что мы должны платиться? Можно ли травить друг на друга два народа? Да что мы — дикири или люди цивилизованные?

Папа слушал молча, пожимая плечами; он не хотел прерывать маму и только, когда она замолчала, чтобы перевести дух, сказал:

Папа стал читать еще что-то...

— Ты говоришь, как женщина.

— Мужчина или женщина — все равно; весь вопрос в том, права я или нить?

— Я не говорю, чтобы ты не была права с известной точки зрения, но... миром нельзя управлять сердцем. Бывают обстоятельства, когда вопросы высшего порядка, когда чувство национальной гордости заставляет забывать о благосостоянии отдельных лиц... Это, видишь ли ты, политика... Иногда приходится охранять интересы будущего.

Но маму не такъ легко было переубѣдить.

— Я знаю, знаю, — нетерпѣливо заговорила она, — вы, мужчины, увлекаетесь, даете вскружить себѣ голову этими звонкими фразами, но намъ, женщинамъ, правда видна лучше! Развѣ сталь бы ты такъ говорить, если бы не наслушался такихъ же разсужденій въ кафе, не начитался бы того же въ газетахъ?

Папа, казалось, былъ смущенъ и опечаленъ.

— Да я не говорю совсѣмъ... Вѣдь ты же не думаешь, чтобы я болѣе тебя былъ радъ этимъ вѣстямъ? Но вѣдь какъ ни горячись, какъ ни протестуй, это не поможетъ! Неизбѣжному надо покориться...

Разговоръ этотъ остался мнѣ памятнымъ на всю жизнь, хотя я и не умѣю его дословно тебѣ передать.

Обѣдъ прошелъ невесело; только и рѣчи было что о войнѣ.

Старшіе братья (Полю было 17, Ванѣ 15 лѣтъ) больше моего поняли и были очень взволнованы. Они достали карты, толстыя книги ученаго вида и, не довольствуясь почерпнутыми изъ нихъ свѣдѣніями, засыпали отца вопросами.

Вечеромъ папа ушелъ противъ обыкновенія; онъ сказалъ, что идетъ въ городъ узнать, нѣтъ ли новыхъ вѣстей.

Братья продолжали рыться въ книгахъ. Мама вязала у лампы, молча, глубоко вздыхая. Отъ времени до времени руки ея опускались, спицы затихали, она смотрѣла на насъ и шептала:

— Боже мой... Боже мой!..

Невесело было!

Спать меня уложили въ обычное время.

Я далеко не относился безучастно къ готовящимся событіямъ, хотя длинныя толки и разсужденія и казались мнѣ скучными и непонятными. Что такое война, я зналъ отлично. У папы было нѣсколько толстыхъ книгъ о войнѣ. Я читалъ еще плохо, но картины смотрѣлъ почти каждый день; все это были изображенія битвъ, — самыхъ славныхъ битвъ, которыя когда-либо были. Я зналъ, какъ онѣ назывались, гдѣ и когда было дано сраженіе; могъ безошибочно сказать, кто побѣдилъ, и самъ воспроизводилъ эти битвы на столѣ арміей оловянныхъ солдатиковъ. Солдатиковъ у меня было много, всѣхъ величинъ, въ мундирахъ всѣхъ странъ Европы;

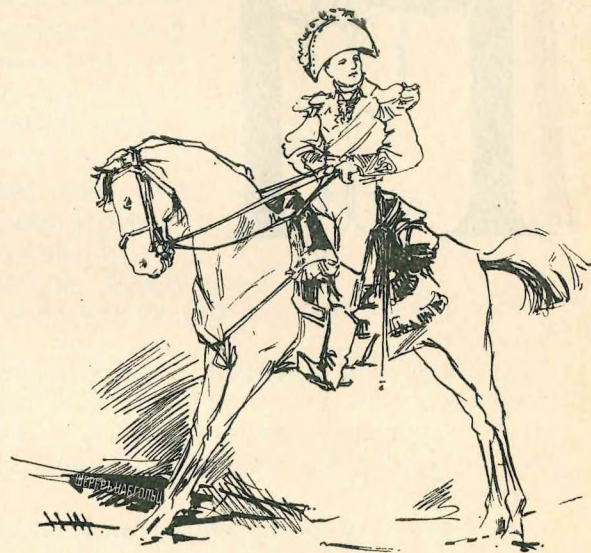
но я любилъ только тѣхъ, которые не стояли, вытянувшись, ружье на плечо, а бѣжали, штыкъ на перевѣсь, въ атаку, дрались, сабли наголо. Была у меня и артиллерія изъ мѣдныхъ пушекъ. Изъ нихъ я зарядами гороха опрокидывалъ цѣлыя полки своей неподвижной арміи.

Какъ мнѣ хотѣлось поскорѣе вырасти и самому стать настоящимъ солдатомъ, побывать на настоящемъ полѣ битвы!

Можешь же себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на меня извѣстіе, что, можетъ быть, я скоро здѣсь, у себя, увижу живыхъ солдатъ, настоящую войну! Я только того и боялся, какъ бы мои надежды на такое удовольствіе не оказались тщетными, и въ глубинѣ души былъ возмущенъ страхомъ и отвращеніемъ, которые мама выказала къ войнѣ; мнѣ это казалось непонятнымъ, хотя я и привыкъ во всемъ раздѣлять ея мнѣніе. Я былъ слишкомъ хорошо воспитанъ, чтобы спорить съ мамой, и боялся огорчить ее противорѣчіемъ, но украдкой, шопотомъ, я прибавилъ къ своей обычной вечерней молитвѣ:

— Боже милосердый, будь добръ, устрой намъ, пожалуйста, блестящее сраженіе!..

Въ уютной, теплой кровати я долго не могъ заснуть, размышляя о всѣхъ грядущихъ удовольствіяхъ, а когда, наконецъ, заснулъ, то увидалъ себя во снѣ великолѣпнымъ генераломъ, въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, въ шляпѣ съ чуднымъ плюмажемъ. Я одерживалъ побѣду за побѣдой. Били въ барабаны, играли военные оркестры... Ахъ, что за дивный это былъ сонъ!..

Я увидалъ себя во снѣ великолѣпнымъ генераломъ...

II.

а другое утро я сразу принялся за свои любимыя книги из папинаго шкафа. Изображенія сраженій показались мнѣ болѣе прекрасными, чѣмъ когда-либо, и мысль, что мнѣ еще очень долго ждать того времени, когда мнѣ будетъ 20 лѣтъ и меня примутъ въ солдаты, повергла меня въ глубокое уныніе.

— Что съ тобой?—спросила мама.

Я не хотѣлъ выдать причину своего горя, но не сумѣлъ ея скрыть, такъ какъ насъ научили ничего не скрывать отъ родителей.

— Да мнѣ жалъ... я боюсь,—отвѣчалъ я, запинаясь, когда мама

повторила вопросъ,—что, можетъ-быть, войны-то еще и не будетъ.

— Замолчи, замолчи! Бѣдный, глупый мальчикъ!—вскричала мама въ ужасѣ и поспѣшно положила мнѣ руку на губы; другой рукой она обняла меня и крѣпко прижала къ себѣ, какъ бы отъ чего-то защищая.—Ты не знаешь, что говоришь!

Ужасъ и волненіе мамы передались мнѣ, хотя я и не понималъ, въ чемъ дѣло, и я бросился цѣловать ее и просить прощенія. Нѣсколько минутъ мама молчала.

— Брось эти книги,—сказала она потомъ,—довольно ты на нихъ насмотрѣлся! Поди въ садъ и играй съ Люси: это лучше для тебя...

Я немедленно послушался, но, выходя изъ комнаты, я еще видѣлъ, какъ мама собрала разложенныя мною книги и поставила ихъ на мѣсто въ шкафъ. Мнѣ показалось, что она сердито толкала ихъ, какъ будто ей хотѣлось сдѣлать имъ больно.

Люси была дочка нашей сосѣдки, года на два старше меня.

Какъ сейчасъ ее вижу! Премилая была дѣвочка, румяная, съ длинными локонами бѣлокурыхъ волосъ. Мы съ ней были большіе друзья, хотя и ссорились то и дѣло. Она важничала со мной, потому что больше меня училась, и утверждала, что вообще мужчины во всемъ должны уступать

дамамъ. Не знаю, кто могъ внушить ей такое странное понятіе; дома мои братья, наоборотъ, держались того мнѣнія, что мужчины всегда все должны рѣшать, а женщины слушаться.

На мою бѣду Люси говорила гораздо быстрѣе меня и лучше умѣла выражаться. У нея никогда не было недостатка въ новыхъ выдумкахъ и красивыхъ фразахъ, такъ что въ спорахъ я обыкновенно терпѣлъ поражение. Ей ничего не стоило высмѣять меня, и это выводило меня изъ себя. Кромѣ того, я никогда не скрывалъ своей привязанности къ Люси, а она любила дѣлать видъ, что ей до меня дѣла нѣтъ, чтобъ меня помучить. Странная забава, не правда ли?

А между тѣмъ маленькія дѣвочки сплошь да рядомъ такъ забавляются.

Въ концѣ-концовъ всѣ наши ссоры, само собою разумѣется, кончались полнымъ примиреніемъ.

Итакъ, я отправился въ садъ къ калиткѣ въ изгороди, которая отдѣляла сосѣдскій палисадникъ отъ нашего, и три раза повторилъ нашъ условный свистъ:

— Фьюить... Фьюить... Фьюить...

Не прошло и пяти минутъ, какъ прибѣжала Люси, раскраснѣвшаяся, въ бѣломъ платьицѣ.

А обыкновенно она долго заставляла меня ждать, спрятавшись у окна за шторы и забавляясь оттуда моимъ нетерпѣніемъ.

— Какъ ты долго не приходилъ!—сказала она.—Я тебя ждала все утро и уже боялась, что ты захворалъ!

Вмѣсто того, чтобы поблагодарить ее за заботу обо мнѣ, которой она доказывала свою дружбу, я съ важностью отвѣчалъ:

— Мнѣ некогда было! Я былъ занятъ книгами...

И я поспѣшилъ сообщить ей важную новость, которая доказывала мое превосходство надъ ней, и объяснилъ, какого рода чтеніе взяло у меня такъ много времени.

— Ты не знаешь? У насъ, можетъ-быть, будетъ война!

— А-а, война...

Я старался какъ можно внушительнѣе произнести свое сообщеніе и ожидалъ большаго эффекта; а это ея „А-а“ звучало слишкомъ безучастно.

— Да ты, навѣрное, и не знаешь, что такое война?—сказалъ я съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

— Да, какъ же! Еще получше тебя!

— Лучше меня? А ну, расскажи, пожалуйста! — воскликнул я обиженно.

— Ну, война... это... воюють...

— А как?

— Ахъ, что ты пристаешь съ вопросами?

— Попалась! Попалась! Ты ни за что не сумѣла бы одержать побѣды!

Я былъ великодушень и не хотѣлъ злоупотреблять своимъ торжествомъ и пристыдить Люси за ея невѣжество, зато я поспѣшилъ для поученія ея дать блестящую военную пантомиму; въ этомъ нашло себѣ выраженіе воинственное настроеніе, которымъ я кипѣлъ со вчерашняго вечера.

Я за-разъ изобразилъ всѣ знаменитыя битвы, о которыхъ что-либо слыжалъ. Сперва я изъ всѣхъ силъ скомандовалъ:

— Готовься!.. Разъ, два, три!.. Пли!.. Пифъ!.. Пафъ!.. Бумъ, бумъ!.. Трахъ, тахъ, тахъ!.. тра-та-та-та!

Это были ружья, пушки, барабаны, трубы!

Я сидѣлъ на воображаемомъ конѣ, размахивалъ воображаемой саблей, и конь мой дѣлалъ прыжки, къ счастью, тоже только въ моемъ воображеніи, потому что иначе мнѣ никакъ бы не уцѣлѣть отъ такой скачки.

Окончилъ я представленіе бѣшенымъ галопомъ вокругъ куртины, оглашая воздухъ дикими криками. Врагъ былъ разбитъ.

Немного запыхавшись, правда, но пылая воодушевленіемъ, я побѣждалъ къ Люси, ожидая похвалъ моему военному искусству и поздравленія съ побѣдой, но, къ моему великому изумленію и огорченію, Люси оставалась равнодушной.

— Ну, что же ты молчишь?

— Я думаю... когда воюють, это вѣдь для того, чтобы убивать другъ друга? Вѣдь тогда очень многихъ убьютъ? Будутъ мертвые, раненые...

— Еще бы не быть! Всегда такъ бываетъ на войнѣ. Что жъ за бѣда? Убиваютъ непріятелей. Имъ такъ и надо! Погоди, я принесу саблю и ружье! Ты будешь солдатомъ, а я офицеромъ. Мы будемъ играть въ войну!

— Не хочу.

— Я вчера игралъ въ „лавочника“ и продавалъ тебѣ куклу въ нашемъ магазинѣ! А когда ты играла въ „барыню“, я носилъ за тобой куклу, хотя мнѣ это совсѣмъ не было пріятно. Теперь ты тоже могла бы поиграть со мной, какъ мнѣ хочется!

— Ты—дурной мальчикъ! Да! Тебѣ правится война, гдѣ столько будетъ убитыхъ...

— Да вѣдь убитые будутъ враги!

— Все равно. И враги и наши!

— Да нѣтъ же, только враги! Показать тебѣ на картинахъ?

— Не хочу... Мнѣ жалко... Я не буду играть нынче.

Я былъ оскорбленъ и отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Какъ хочешь,—я могу и одинъ играть.

Я отправился за амуниціей и вернулся вооруженнымъ съ ногъ до головы, выступая шагомъ, руки по швамъ и на каждомъ поворотѣ дорожки выкрикивая команды. Я захватилъ трубу, надѣясь, что Люси, по крайней мѣрѣ,

Раненый.

согласится подавать мнѣ сигналы: она лучше моего справлялась съ трубой и вообще была очень музыкальна. Но Люси уже не было въ саду. Къ счастью, на подмогу мнѣ явился нашъ Фидо, большой черный пудель, котораго я очень любилъ. Курчавая черная шерсть нависла ему на глаза, точно гренадерская шапка, а на кончикѣ морды у него были густые взъерошенные усы, такъ что онъ очень походилъ на стараго солдата. Чтобы усилить это сходство, я воткнулъ ему за ухо нѣсколько красныхъ перьевъ и заставилъ его затѣмъ маршировать на заднихъ лапахъ, съ ружьемъ въ переднихъ.

Фидо былъ молодецъ! Онъ любилъ военные игры и всегда былъ на нихъ готовъ, не то что Люси! И рассказы мои о войнѣ изъ папиныхъ книгъ онъ выслушивалъ внимательно, положивъ мнѣ голову на колѣни. Я былъ увѣренъ въ томъ, что онъ все понимаетъ: вѣдь онъ такъ одобрительно помахивалъ своимъ короткимъ, увѣнчаннымъ кисточкой хвостомъ!

Долго мы бѣгали по саду. Фидо изображалъ непріятельскую кавалерію, и я надъ нимъ одерживалъ побѣды за побѣдой, такъ какъ онъ послушно изображалъ мертвого по моему приказанію. Послѣ десятаго пораженія я объявилъ:

— Фидо, я вами доволенъ!

Такъ Наполеонъ обращался къ своей арміи.

Затѣмъ я побѣждалъ домой: пора было обѣдать. Но и въ этотъ день съ обѣдомъ долго пришлось прождать. Дома была только мама; папа и братья ушли опять въ центръ города, гдѣ, какъ сказала мама, собралась цѣлая толпа народа. На нашей улицѣ все было тихо, всѣ, казалось, попрежнему были заняты своимъ дѣломъ.

Уже стемнѣло, когда вернулись наши. Мы дожидались ихъ у дверей.

Папа шелъ, опустивъ голову, заложивъ руки за спину.

Я бросился навстрѣчу, но ему было не до обычной возни и шутокъ со мной; онъ молча поцѣловалъ меня.

— Война?—спросила мама еще издалика.

— Да, война.

И у обоихъ у нихъ были такія опечаленныя лица, что даже я ничѣмъ не рѣшился выказать своей бурной радости при этомъ извѣстии.

За обѣдомъ всѣ были ужасно мрачны; никогда я еще ничего подобнаго не видывалъ. Папа сказалъ, что войну объявили утромъ, что въ столицѣ всѣ охвачены энтузіазмомъ, считаютъ побѣду несомнѣнной... и затѣмъ уже никто ничего не говорилъ во все время обѣда; всѣ сидѣли, задумавшись о чемъ-то, не поднимая глазъ.

Не успѣли еще собрать со стола, какъ я получилъ приказаніе итти спать.

Сразу, послѣ обѣда! Могъ ли я безропотно этому подчиниться? Часто мнѣ по вечерамъ удавалось выпросить у мамы лишніе четверть часа, и я и на этотъ разъ спѣшилъ прибѣгнуть къ обычнымъ хитростямъ и ласкамъ для достиженія этой цѣли. Но папа нахмурилъ брови и крикнулъ:

— Слушаться!

— Но, папа!

— Разъ, два, три.

— Но, папа!

Меня подняли, унесли, раздѣли и уложили въ кровать, прежде чѣмъ я успѣлъ притти въ себя отъ такого поваго способа обращенія со мною. Двери закрыли, и одинъ, въ

темнотѣ, я былъ предоставленъ своимъ грустнымъ размышленіямъ. Война сразу отразилась на моемъ личномъ благосостояніи. Я понялъ, что въ военное время всѣ подпадаютъ подъ военный режимъ.

III.

Когда на другое утро мама разбудила меня, я увидалъ у нея красные наплаканные глаза. Папа тоже, здороваясь, не улыбнулся мнѣ, какъ это всегда бывало; онъ былъ очень блѣденъ, и я замѣтилъ у него новыя складки по угламъ рта. У нихъ, очевидно, было какое-то горе. Мнѣ бы очень хотѣлось приласкаться къ нимъ, попробовать заставить ихъ улыбнуться, но я чувствовалъ, что это была бы бесплодная попытка; горе, должно быть, было очень большое!

Они сейчасъ же опять заперлись въ сосѣдней комнатѣ и продолжали, очевидно, все тотъ же разговоръ, который и вчера они не хотѣли при мнѣ вести. Я и ночью нѣсколько разъ сквозь сонъ слышалъ голоса говорившихъ.

Чувство собственного достоинства мѣшало мнѣ даже съ глазу на глазъ съ самимъ собой поступить непорядочно, а то бы я непременно приложилъ ухо къ замочной скважинѣ,—такъ сильно мучило меня желаніе узнать, что такое отъ меня скрываютъ.

Случай помогъ мнѣ: папа позвалъ Поля, и когда тотъ, послѣ нѣкотораго времени, вышелъ изъ комнаты, дверь осталась приотворенной.

Теперь я считалъ позволительнымъ слушать, что говорилось.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ папа,—мы не имѣемъ права мѣшать Полю итти добровольцемъ... Это мужественное желаніе...

— Но ему всего семнадцать лѣтъ!

— Что жъ, это почти взрослый человѣкъ...

— А если его убьютъ?—съ ужасомъ воскликнула мама.

— Ты хочешь, чтобъ онъ велъ себя какъ трусъ?

— Не всѣ мужчины идутъ въ войско.

— Нѣтъ, только тѣ, кто годится; я слишкомъ старъ, а то, ты думаешь, развѣ бы я не пошелъ туда?

— Тебѣ война ненавистна столько же, сколько мнѣ!

— Конечно, но что же дѣлать? Когда отечество въ опасности, не время разсуждать...

— Потому и Ваня захочетъ итти...

— Ваня ребенокъ. Мы оба съ нимъ не нужны въ войскѣ. Слышно было, какъ плакала мама.

Папа ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ большими шагами.

Наконецъ, они вышли. Я сдѣлалъ видъ, что очень занятъ разсматриваніемъ книгъ съ картинками, которыя машинально разложилъ передъ собой, не смѣя показать, что что-нибудь слышалъ.

День опять прошелъ невесело. Молодые люди группами, со знаменами, проходили мимо нашихъ оконъ и что-то пѣли. Мнѣ сказали, что они собираются итти на войну, и я былъ очень разочарованъ: ни на одномъ изъ нихъ не было блестящаго мундира; только кокарды и значки на обыкновенныхъ шляпахъ и статскомъ платьѣ.

Отъ времени до времени они кричали „ура“, и изъ оконъ домовъ имъ отвѣчали тѣмъ же. За ними печально шли родители, жены, сестры; нѣкоторые плакали. Если по дорогѣ встрѣчались знакомые, начиналось грустное прощаніе.

Тяжелая была картина! Я ушелъ въ садъ, но Люси не явилась, несмотря на самые упорные сигналы, и мнѣ опять пришлось удовольствоваться обществомъ Фидо. Да и ему было не по себѣ. Онъ видѣлъ, что мама что-то укладываетъ, а этого онъ совсѣмъ не выносилъ, по опыту зная, что если что укладываютъ въ домъ, значитъ кто-нибудь уѣзжаетъ. Онъ былъ слишкомъ спокоенъ, чтобы играть, и всячески старался заставить меня вернуться въ домъ.

Нечего было дѣлать, пошелъ я домой и, къ крайнему моему удивленію, нашелъ тамъ папу, который въ это время въ будни всегда бывалъ на службѣ.

— Папа, ты свободенъ? У тебя отпускъ?

— Отпускъ? Да... по случаю войны.

— А завтра?

— И завтра и послѣзавтра. Во время войны люди заняты войной, а не дѣлами, понимаешь?

— Такъ, значитъ, во время войны деньги получаютъ такъ—безъ работы?..

— Дурачокъ! Ничего не получаютъ...

Какъ я ни былъ глупъ, я понималъ, что безъ денегъ нельзя ни жить въ теплѣ, ни быть сытымъ и одѣтымъ, и живо представилъ себѣ, какъ мнѣ, можетъ-быть, придется недѣтымъ, голоднымъ спать на улицѣ подъ открытымъ небомъ. Это было слишкомъ ужасно.

— Но, папа...

— Что?

— Мы будемъ бѣдными?

— Кто знаетъ?

Поль вошелъ и прервалъ мои грустные соображенія.

— Ну, какъ дѣла?—спросилъ папа.

— Мама наверху, сейчасъ кончитъ.

Папа досталъ часы.

— Я провожу тебя на вокзалъ,—сказалъ онъ.—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Понимаешь... Мама покорила не-избѣжному, но надо щадить ея силы, не растягивать прощаніе... и тебѣ и намъ нужна твердость... никакихъ торжественныхъ проводовъ.

И, обращаясь ко мнѣ, папа прибавилъ:

— Поди, поцѣлуй брата.

Поль наклонился ко мнѣ и такъ крѣпко поцѣловалъ, какъ никогда этого не дѣлалъ.

— Ты уѣзжаешь?

— Да.

— На войну?

— Да.

— Мнѣ нельзя съ тобой?

— Ты слишкомъ малъ.

— Мнѣ такъ хочется!

— Полно,—сказалъ папа,—теперь не время говорить вздоръ. Иди въ садъ и не возвращайся, пока тебя не позвуютъ.

— Да я только-что оттуда!

— Что я тебѣ сказалъ?

— Но, папа!..

— Слушайся!

Нѣтъ, война рѣшительно имѣла на папу дурное вліяніе! Сказать правду: я былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что со мной обращаются какъ съ маленькимъ, считаютъ лишнимъ въ войскѣ, не позволяютъ проводить брата... И я ушелъ на самую дальнюю скамью и рѣшилъ ничѣмъ болѣе не напоминать о своемъ существованіи. Будь, что будетъ!

Бѣдный Фидо былъ плохой философъ и хуже моего переносилъ изгнаніе; онъ постоянно подбѣгалъ къ запретнымъ дверямъ дома и жалобно визжалъ. Изъ дома до меня доносились странные звуки, отъ которыхъ мнѣ становилось жутко. Нѣсколько разъ я слышалъ, какъ вскрикнула мама. Потомъ все стихло.

Фидо куда-то убѣжалъ, и, предоставленный самому себѣ, я началъ для своего развлечения придумывать новые рассказы о битвахъ: старые уже не удовлетворяли меня болѣе. Наконецъ, меня позвали домой, и я явился мрачнымъ и величественнымъ, какъ того требовало мое оскорбленное самолюбіе. На столѣ оказалось только четыре прибора, чего не было съ тѣхъ поръ, какъ меня перевели за общій столъ. Я не могъ ѣсть, такъ меня взволновала эта перемѣна, да и другимъ, казалось, было не до обѣда.

— Когда вернется Польша?—спросилъ я.

— Когда война кончится.

— А когда война кончится?

— Не знаю.

Мама закрыла глаза платкомъ, а папа сердито прикрикнулъ на меня:

— Не болтай вздора!

Какъ? И это вздоръ?

Мнѣ хотѣлось доказать, что и я умѣю говорить серьезно о дѣлѣ, и я продолжалъ:

— Но, папа...

— Ты опять?

— Да я не вздорю... Я хотѣлъ спросить, если Польша побѣдитъ, его сдѣлаютъ генераломъ въ высокихъ сапогахъ, въ шляпѣ съ перьями...—спѣшилъ я договорить.

— Да замолчишь ли ты?

— Но, папа...

Это было ужасно! Никто не хотѣлъ меня слушать. Папа сердился. Ваня подъ стрломъ давалъ мнѣ пинки, чтобы заставить меня молчать. Мама, которая никогда не давала меня въ обиду, не обращала на меня вниманія, какъ будто она мыслями была совсѣмъ не съ нами. Мнѣ казалось, что мнѣ необходимо заплакать, такъ какъ меня такъ горько обижали. Мнѣ совсѣмъ не хотѣлось плакать и вызвать слезы стоило мнѣ даже большого усилія, но я не видѣлъ иного исхода изъ своего грустнаго положенія.

Увы!—это была неудачная выдумка.

— Что ты плачешь, сударь?—строго сказалъ папа.—Ты знаешь, я не люблю кривлянья. Плакать будешь, когда и до тебя очередь дойдетъ горевать...

Я ужасно боялся слова „сударь“,—папа употреблялъ его только, когда былъ очень сердитъ.

Я присмирѣлъ, опустил голову и безпрекословно пови-

новался, когда вслѣдъ затѣмъ получилъ приказаніе итти спать—безъ свѣчи.

Опять! Нѣтъ, мнѣ положительно плохо приходилось отъ войны.

IV.

Между тѣмъ съ отъѣзда Поля прошло почти три недѣли. Медленно, скучно тянулись день за днемъ. Ничего особеннаго не случалось, только всѣ были невеселы; я скучалъ и не могъ ничѣмъ заняться въ ожиданіи войны.

Каждое утро я просыпался съ вопросомъ:

— Нынче будетъ видно войну?

— Нѣтъ.

— Да гдѣ же ее видно?

— Далеко отсюда.

— А у насъ здѣсь будетъ война?

— Богъ дастъ, нѣтъ.

— Нельзя ли хоть издали немножко посмотреть?

— Вздоръ!..

Все вообще, что я говорилъ за послѣднее время, оказывалось вздоромъ. Я лично, конечно, съ этимъ не могъ согласиться, но не смѣлъ спорить, тѣмъ болѣе, что меня все-таки сильно смущало, что никто не раздѣлялъ моего нетерпѣнія. Не только у насъ въ домѣ, но и всѣ вообще въ городѣ, казалось, были чѣмъ-то удручены. Если кто приходилъ къ намъ, или мы съ мамой встрѣчали кого-нибудь на улицѣ, я слышалъ все одно и то же:

— Боже, какое горе! Какое испытаніе!

Въ магазинахъ жаловались, что никто ничего не покупаетъ, не стоитъ и товаръ выставять.

Мама покупала только самое необходимое; сладкаго мы ничего болѣе не видали; бархатная куртка, которую мнѣ было заказать, такъ и осталась несшитой. А какъ я на нее радовался!

У Люси было платье съ отдѣлкой изъ такого бархата, и передъ ней-то я и собирался блеснуть и напередъ рѣшилъ надѣть красные шелковые чулки и сѣрую шляпу, когда пойду къ ней въ обновкѣ.

Мама сказала, что во время войны никто не шьетъ себѣ нарядовъ, да и заплатить намъ было бы теперь нечѣмъ за куртку. И мы отправились сообщить объ этомъ портнихѣ.

Она не казалась удивленной.

— Я так и думала, сударыня, — сказала она: — кто теперь думает о туалетах? Я и так ничего не шью.

Я начиналъ понимать, что значить терпѣть лишенія.

Лакомкой я, право, не былъ (мнѣ давно уже сказали, что это стыдно для мальчика), но у меня, какъ, навѣрно, и у тебя, были свои любимыя кушанья. Я не могъ равнодушно относиться къ отсутствію десерта, не могъ иногда не вспомнить о битыхъ сливкахъ... Мама объяснила, что папа зарабатываетъ теперь такъ мало, что намъ можетъ хватить только на то, чтобы быть сытыми.

Да что говорить о столѣ, — всѣ вообще удовольствія кончились для насъ!

Наступало время ежегодной ярмарки въ нашемъ городкѣ. Я видѣлъ давно, какъ начали строить балаганы и палатки на площади. Я видѣлъ расклеенныя по улицамъ великолѣпныя афиши заѣзжаго цирка. На нихъ были изображены танцующіе львы, чудныя лошади, которыя прыгали черезъ горящіе обручи, разряженные клоуны, съ пестро выкрашенными лицами, въ высокихъ колпакахъ, которые, балансируя на высокихъ лѣстницахъ, что-то играли на скрипкахъ и изъ всѣхъ силъ смѣялись. Все это мнѣ обѣщались показать, если я буду хорошо себя вести, — и всего этого я теперь былъ лишенъ!

Циркъ, палатки, афиши, — все куда-то исчезло!

— Мамочка, а что же ярмарка? — спрашивалъ я.

— Этотъ годъ ярмарки не будетъ.

— Почему?

— Милый, да вѣдь война!

Опять война виновата! Я началъ находить, что и у войны есть темныя стороны.

На службу папа болѣе не ходилъ, какъ я уже говорилъ, и мы съ нимъ почти ежедневно отправлялись на вокзалъ за вѣстями. На вокзалѣ всегда было множество народа, и пассажировъ приходящихъ поѣздовъ засыпали вопросами.

Я мало понималъ, что говорилось вокругъ, тѣмъ болѣе, что мое вниманіе поглощено было локомотивами. Папа разсказалъ мнѣ кое что объ ихъ устройствѣ, и я съ увлеченіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ они, какъ живые, двигались по рельсамъ. Но и это удовольствіе продолжалось не долго. Разъ приходимъ мы на вокзалъ: все пусто, ни народа, ни поѣздовъ.

— Сообщеніе прервано! — говорятъ. — Непріятель занялъ путь. Рельсы сняты.

— Папа, развѣ поѣздъ не придетъ?

— Нѣтъ.

— Папа, а какъ же пассажиры?

— Ихъ не будетъ.

— Сюда никто не пріѣдетъ?

— Нѣтъ.

— Никогда больше?

— Пока не кончится война.

— А какъ же Польша? — Мнѣ стало очень грустно и страшно, но я не рѣшился спросить папу, какъ же вернется Польша: о немъ нельзя было говорить, всегда всѣ огорчались.

Люси я видѣлъ рѣже; она почти не приходила въ садъ, не хотѣла совсѣмъ играть со мной. Ея братъ тоже ушелъ на войну, и она осталась вдвоемъ съ матерью; отецъ ея давно умеръ. Люси стала задумчивой, серьезной. У нея въ рукахъ всегда теперь была какая-нибудь полотняная тряпочка, изъ которой она дергала нитки.

— Что это ты дѣлаешь? — спросилъ я.

— Корпію, — отвѣчала Люси, указывая на клубочки надерганныхъ нитокъ, которые у нея набирались, пока мы разговаривали.

— Что же это за игра?

— Это не игра совсѣмъ.

— Да вѣдь тебѣ нравится?

— Совсѣмъ не нравится.

— А зачѣмъ же ты тогда дергаешь?

— Потому что нужно.

— Кому нужно?

— Для раненыхъ! Какой ты глупый! Корпію кладутъ на раны, когда дѣлаютъ перевязки. Ея такъ много нужно! Никогда нехватаетъ!

Люси протянула мнѣ тряпочку, которыхъ, казалось, у нея много было въ запасѣ:

— Хочешь, я тебя научу... это нетрудно... ты только дергай осторожнѣй...

— Этого только не доставало! — воскликнулъ я съ оскорбленнымъ чувствомъ.

Сперва меня назовутъ глупымъ, а потомъ предложатъ женское рукодѣлье! Да вѣдь я человѣкъ военный!

— За кого ты меня принимаешь? — спросил я съ высоты своего величія.

— Скажи, пожалуйста! А я вот что тебѣ скажу, — продолжала она: — надоѣла мнѣ твоя глупая труба! Или ты думаешь, что вѣчно размахивать тупой саблей лучше, чѣмъ помочь мнѣ работать?

Я вспылить:

— Я мальчикъ, и мое дѣло воевать... Развѣ моя вина, что мнѣ не даютъ настоящей сабли? Послѣ, когда я вырасту, у меня будутъ настоящіе сабли и мундиръ! Вотъ тогда ты не будешь надо мной смѣяться и не подумаешь дать мнѣ тряпку!

— Какъ хочешь, — хладнокровно отвѣчала Люси, снова погружаясь въ свою работу. — Я думаю только, что если ты будешь солдатомъ и тебя ранять, ты будешь радъ клочку корпіи.

— Если меня ранять?! — Правда, объ этомъ я и не подумалъ! Конечно, я зналъ, что раненые бываютъ, я это видалъ на картинкахъ, но не любилъ объ этомъ размышлять, какъ о чемъ-то неприємномъ. — Да зачѣмъ же мнѣ быть раненымъ. Я только хочу одерживать побѣды!

У меня морозъ по кожѣ пробѣжалъ, но, какъ человѣкъ храбрый, я не высказалъ своего смущенія, а постарался показать полную неустрашимость и принялся громко насвистывать.

Когда я вернулся домой, то нашелъ папу и маму за картой, на которой папа съ Ваней ежедневно отмѣчали движеніе арміи, перекалывая съ пункта на пунктъ булавки съ маленькими флагами на верхушкахъ.

— Подвигаются! — сказалъ папа.

— Господи, Боже мой! Неужели дойдутъ до насъ?

— Кто знаетъ? Нашимъ не везетъ, вездѣ неудачи!.. Весь планъ кампаніи пришлось измѣнить... Кто бы могъ подумать, что сюда заберутся, а между тѣмъ подходятъ, и даже очень быстро!

Война придвигается! А я теперь даже не могъ притти въ восторгъ подъ впечатлѣніемъ разговора съ Люси... А что, если въ самомъ дѣлѣ насъ ранять или убьютъ на войнѣ?

Но я все-таки ни съ кѣмъ не хотѣлъ подѣлиться новыми опасеніями и обинякомъ началъ добиваться болѣе точныхъ свѣдѣній.

— Мамочка, — началъ я равнодушнымъ тономъ, — ты знаешь, что такое корпія? Правда это, что ее такъ много надо въ арміи? Это такъ Люси говорить.

— Еще бы не много надо!.. И я корпію дѣлаю... Всѣ дѣлаютъ.

И мама показала мнѣ цѣлую корзину приготовленной корпіи. Уже сколько дней она занималась этимъ, но я не обращалъ вниманія на ея новую работу, думая, что она занята обычнымъ домашнимъ шитьемъ.

— Мама, а раненыхъ будетъ много?

— О, да!..

— Мама, сколько?

— Много, много, очень много...

— А убитыхъ?

— Столько же.

Еще много вопросовъ было у меня въ запасѣ, но мама не дала мнѣ договорить; она взяла меня на руки, крѣпко обняла и сказала мнѣ тихо на ухо:

— Если ты хочешь быть хорошимъ мальчикомъ, не забывай, когда молишься, просить Бога, чтобы Поля не ранили и не убили...

Голосъ мамы дрожалъ. Конечно, я обѣщалъ не забывать и сдержалъ слово.

Было надъ чѣмъ призадуматься! Очевидно, я далеко еще не имѣлъ полного понятія о войнѣ, несмотря на всѣ мои книжки.

V.

Наконецъ-таки дождался я удовольствія, на которое уже было и переставалъ надѣяться: такъ долго оно заставило себя ждать. Это было послѣ завтрака, часовъ въ 12.

Папа собрался куда-то итти, но тотчасъ же поспѣшно вернулся.

— Дождались! — сказалъ онъ. — Солдаты пришли. Къ вечеру вся армія будетъ тутъ.

Я бросился къ окну смотрѣть солдатъ, но улица была пуста; только издалека слышны были сигнальные трубы и барабаны.

Можете себѣ представить, что со мной сдѣлалось! Но все-таки я не рѣшился просить, чтобы мнѣ показали войско. Къ счастью, папа самъ позвалъ меня:

— Пойдемъ... Я покажу тебѣ солдатъ.

Въ одно мгновеніе я собрался, и мы отправились. Папа шелъ большими шагами, и я долженъ былъ почти бѣжать, чтобы поспѣвать за нимъ, но я не отставалъ. Мы пришли на главную улицу. Тротуары были запружены любопытными. Но то, что мы пришли смотрѣть, было совсѣмъ не такъ красиво, какъ я того ожидалъ. Не было ни музыки, ни блестящихъ мундировъ, ни стройныхъ батальоновъ. Солдаты шли вразсыпную и несли ружья, кто какъ могъ и хотѣлъ. Ни одной обнаженной сабли не видалъ я у кавалеристовъ, ни одного галуна, ни одного плюмажа. Всѣ были въ длинныхъ темныхъ шинеляхъ, смятыхъ, разорванныхъ, покрытыхъ грязью, съ тяжелыми ранцами за спиной. Всѣ, казалось, изнемогали, шли черезъ силу. Много было раненыхъ въ перевязкахъ, на которыхъ видна была кровь. То и дѣло кто-нибудь останавливался, чтобы собраться съ силами. Изъ домовъ имъ выносили вина, хлѣба, мяса. Они торопливо пили, прятали пищу въ ранцы, благодарили и спѣшили кое-какъ догнать товарищей.

— Папа, будетъ битва? — спрашивалъ я.

— Да.

— Гдѣ?... когда?...

— Не знаю! Можетъ-быть, скоро... Можетъ-быть, близко...

— Эти солдаты уже были въ сраженіи?

— Да, всѣ эти дни.

— Они побѣдили?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому что непріятель былъ сильнѣе...

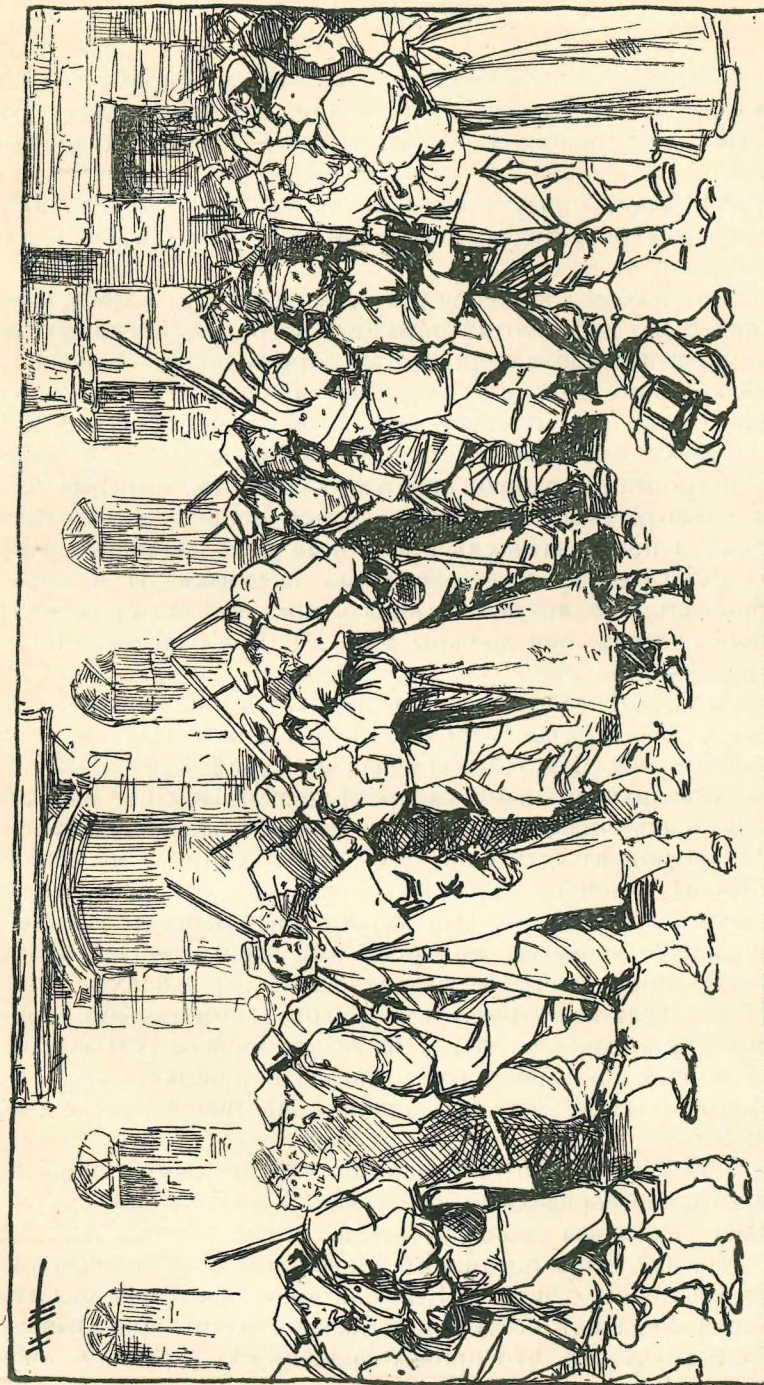
— Почему же не наши?

— Ахъ, Боже мой, замолчи...

Что же это такое опять? Наши проиграли сраженіе? Вѣдь побитымъ бываетъ только врагъ! Я не зналъ, что и подумать...

Вслѣдъ за пѣхотой потянулся лазаретный обозъ, въ которомъ уже рѣшительно ничего не было воинственнаго. Усталыхъ лошадей погоняли кнутами. Повозки еле двигались. Въ нихъ, какъ говорили, лежали тяжело раненые, на соломѣ, подъ грязной промокшей парусиной. Ихъ окружали, стараясь помочь, всѣ хотѣли заглянуть внутрь кибитокъ.

Я былъ радъ, когда папа выбрался изъ толпы и мы пошли домой. Если бы не ложный стыдъ, я бы его еще раньше объ этомъ попросилъ.

Всѣ были въ длинныхъ темныхъ шинеляхъ, съ тяжелыми ранцами за спиной.

— Пойдемъ скорѣе, — сказалъ онъ. — Этотъ полкъ только пройдетъ черезъ городъ, а слѣдующій останется здѣсь. Въ каждый домъ пришлютъ солдатъ. Надо для нихъ все приготовить.

А! а! солдаты придутъ къ намъ въ дома! Я снова ожилъ; вотъ тѣ, навѣрно, будутъ настоящіе, какъ быть должно, нарядные, веселые!

Какъ только мы вернулись, я бросился вооружаться, надо же мнѣ было достойнымъ образомъ встрѣтить военныхъ гостей. Да и вообще теперь, когда городъ полонъ войска, я считалъ своимъ долгомъ тоже быть при оружіи. Арсеналь у меня былъ богатый, такъ какъ, угождая моему вкусу, мнѣ часто дарили военныя игрушки. Я надѣлъ латы, каску; нацѣпилъ патронташъ, саблю; приколотъ эполеты, которыя мнѣ мама когда-то смастерила изъ желтой шерсти и золотыхъ нитокъ; за поясъ заткнулъ пробковый револьверъ; въ руки взялъ ружье съ краснымъ значкомъ на штыкѣ. И я гордо воображалъ, что въ такомъ видѣ я могъ смѣло отдать честь нашимъ гостямъ: они должны были быть поражены и польщены.

Однако гости заставили себя ждать, и я уже не зналъ, что дѣлать отъ нетерпѣнія, когда они показались вдаль.

— Вотъ они!.. Идутъ! — кричали на улицѣ.

Солдаты шли группами, распредѣляясь по домамъ. Къ намъ пришло пять человѣкъ. Какіе они были жалкіе, измученные! — на мой взглядъ еще хуже тѣхъ, которыхъ мы видѣли утромъ. И, — нечего скрывать, — отъ нихъ распространялся какой-то ужасный, тяжелый запахъ. Видѣлъ бы ты, какъ они набросились на воду, которую имъ приготовили, чтобы умыться, омыть раны! А раны у нихъ были у всѣхъ.

Мама ходила отъ одного къ другому, помогая имъ снять грязное разорванное платье, чистила и чинила тутъ же, что было можно; промывала раны, дѣлала перевязки.

Бѣдные солдаты, казалось, очень совѣстились и то и дѣло извинялись:

— Ужъ вы извините, сударыня; знаете, намъ теперь не приходится о нарядахъ заботиться...

Мама заставляла себя улыбаться.

— Что вы? Богъ съ вами! Время военное... — говорила она.

На разспросы о полкѣ Поля они ничего не могли сказать; они шли, куда ихъ посылали, дѣлали, что имъ приказывали, и знали только то, что происходило въ ихъ отрядѣ. Я пони-

малъ, глядя на нихъ, какъ маму мучить забота о нашемъ Полѣ: гдѣ онъ, что съ нимъ, позаботится ли кто о немъ такъ, какъ она объ этихъ несчастныхъ солдатахъ?

— Бѣдные, бѣдные! — повторяла она.

Въ кухнѣ сохли шинели, и нельзя было продохнуть отъ поднимавашагося изъ нихъ зловоннаго пара; онъ наполнилъ всю кухню.

Служанка, у которой женихъ былъ въ солдатахъ, охала, ахала, жалобно причитала и чихала.

— Чхи, чхи! Голубчики вы мои! Горемычные! Чхи! — слышалось въ туманѣ у плиты.

Папа усадилъ солдатъ за столъ и заботился о томъ, чтобы ихъ тарелки были полны. Надо было видѣть, какъ жадно и съ какимъ удовольствіемъ они принимались за все, что имъ давали. Ни въ тотъ день, ни вчера, ни даже позавчера они почти ничего въ ротъ не брали. Каждый день были схватки, а когда въ промежуткѣ они собирались перекусить и разводили костры, имъ въ котлы изъ неприятельскаго лагеря сыпались пули.

Сперва они были въ ужасномъ настроеніи, печальные, раздраженные, и только понемногу, отдохнувъ и насытившись, приходили въ себя и становились разговорчивѣе.

Я былъ очень огорченъ тѣмъ, что никто не обратилъ вниманія на весь мой парадъ. Наконецъ, послѣ обѣда одинъ изъ солдатъ, набивая трубку, посмотрѣлъ на меня и проворчалъ себѣ въ усы:

— А, и ты изъ нашихъ, мальчуганъ?

Я просіялъ. „Изъ нашихъ“, вѣдь это было такъ лестно!

— Играй, пока играетъ, послѣ увидишь, какая это забава...

Я опустилъ голову: опять въ маленькіе попалъ!

Начались рассказы о войнѣ. Говорили солдаты просто, безъ фразъ и громкихъ словъ; не жаловались. Что же дѣлать? Жизнь на волоскѣ, ни минуты спокойной. Измученные, голодные, — и все впередъ и впередъ! Все дальше отъ своихъ, отъ тѣхъ, кого бросили дома, отъ старыхъ и малыхъ, которымъ плохо однимъ живетъ! Солдаты старались говорить бодрѣе, шутили, чтобы не показать, что унываютъ, но горькія слова и упреки тѣмъ, кто заварилъ эту кашу, то и дѣло вырывались у нихъ. Они не спали почти трое сутокъ, ночуя подъ дождемъ, на дорогѣ, въ канавахъ, и я сталъ скоро замѣчать, что они какъ будто насилу глаза открываютъ, на-

силу говорятъ, съ трудомъ голову прямо держать. Папа, должно-быть, тоже замѣтилъ это.

— Идите-ка на покой, ужъ вы его заслужили, — сказалъ онъ, — а сонъ подкрѣпитъ васъ.

— Да, мы отнѣживаться не будемъ, — отвѣчали солдаты и рады-радешеньки были матрацамъ, которые имъ постелили на полу; съ тѣхъ поръ, какъ началась война, они не спали на настоящей постели.

Мы потихоньку ушли наверхъ, чтобы не мѣшать имъ уснуть, да не тутъ-то было! Вдругъ раздался сигналъ, за нимъ — другой. Трубили на улицѣ передъ домомъ, трубили гдѣ-то далеко въ городѣ. Сигнальные рожки не смолкали. Поднялся крикъ, шумъ. Слышно было, какъ открываютъ окна, хлопаютъ дверями, гдѣ-то спрашиваютъ, кричатъ.

Наши солдаты уже были на ногахъ, спѣшно натягивали мундиры, надѣвали свои тяжелые ранцы.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?

— Какъ знать? Тревога... новое распоряженіе... опять въ дорогу.

Что, если бъ я былъ на ихъ мѣстѣ?! А они не жаловались, торопливо благодарили, прощались и уходили на темную улицу, гдѣ все время звучали трубы.

Только одинъ, самый молодой, никакъ не могъ собраться съ силами. Весь блѣдный, онъ засыпалъ, терялъ сознание, нагибаясь, чтобы зашнуровать ранецъ.

— Скорѣй, скорѣй! — торопилъ папа, помогая ему.

Онъ ушелъ, наконецъ, шатаясь, еле держась на ногахъ.

— Только бы не отсталъ!

— Папа, развѣ его тогда накажутъ?

Папа отвѣтилъ жестомъ... Да, солдатъ строго наказываютъ!

Мое увлеченіе военной карьерой начинало ослабѣвать: сказать по правдѣ, — очень ужъ меня напугалъ этотъ ночной переполохъ.

— Мама, мама, вѣдь нынче не будетъ сраженія? — спрашивалъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Я не хочу войны!

— Перестань, дурачокъ.

Я не спалъ до зари: я все видѣлъ передъ собой блѣдныхъ солдатъ, все слышалъ эти ужасныя трубы; я вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ и впервые былъ радъ, что я самъ — е солдатъ!

VI.

Слѣдующіе два дня черезъ городъ непрерывно проходили полки за полками нашей арміи, не останавливаясь у насъ. Папа звалъ меня смотрѣть солдатъ; я отказался. Война и солдаты больше нравились мнѣ въ книгахъ, чѣмъ въ дѣйствительности: обидно было дѣлать все новыя непріятныя открытія!

Люси съ утра до вечера была занята своей корпіей; она работала серьезно, сосредоточенно, безъ отдыха. Послѣ долгаго колебанія я рѣшилъ помочь ей и сказалъ съ напускной небрежностью:

— Дай-ка я попробую, какъ это дѣлаютъ.

— Ну и слава Богу! Поумнѣлъ! — сказала она. — Вотъ такъ... смотри... это легко.

Надо было осторожно выдергивать нитку за ниткой, не обрывая ихъ. Да, это было нетрудно, да я-то былъ не слишкомъ ловокъ. Часто мнѣ за это доставалось отъ Люси, но я терпѣливо давалъ себя муштровать. Прежде я, конечно, не позволилъ бы поучать себя маленькой дѣвчонкѣ, хотя бы она и знала то, о чемъ говорила, лучше всѣхъ мальчиковъ на свѣтѣ; теперь я рѣшилъ все терпѣть, только бъ научиться искусству дергать корпію для раненыхъ.

Съ тѣхъ поръ мы постоянно вмѣстѣ работали въ саду.

Разъ, возвращаясь съ работы, я нашелъ дома всѣхъ въ ужасномъ волненіи: пришло извѣстіе, что Поль раненъ, что его отправили на перевязочный пунктъ. Какъ онъ раненъ, въ опасности ли и гдѣ сейчасъ находится, не было извѣстно.

Мама уже не плакала. Она быстро ходила по комнатѣ взадъ и впередъ и говорила:

— Я хочу ѣхать и уѣду. Вамъ не удержать меня. Я уѣду сейчасъ, сію минуту!

Папа старался ее уговорить:

— Богъ съ тобой!.. Ты не доберешься до него... сообщеніе прервано, дороги заняты!.. Со всѣхъ сторонъ войска...

— Доберусь, пройду! Должны же они пропустить мать къ сыну!

Въ ужасѣ я бросился къ мамѣ:

— Мама, мама, не уходи!

Мама сперва оттолкнула меня, но потомъ тотчасъ же взяла на руки, поцѣловала, стала успокаивать.

Теперь папа ходилъ взадъ и впередъ и говорилъ:

— Конечно, женщинѣ одной немислимо итти, а обоимъ намъ нельзя! На кого мы оставимъ мальчиковъ?

— Нѣтъ, нѣтъ — кричалъ я съ отчаяніемъ.

— Молчать!.. Я одинъ пойду! — сказалъ папа.

— Тебѣ не менѣе опасно, чѣмъ мнѣ! — отвѣчала мама.

— Мужчинѣ легче справиться.

— А если въ твоё отсутствіе придутъ непріатели?

— Нѣтъ, ихъ отгѣснять.

— А если завтра они получаютъ подкрѣпленіе и отгѣснятъ нашихъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я слѣжу за ходомъ дѣла: это невозможно теперь.

— Ты недавно говорилъ другое!

— Я ошибался.

Теперь папа во что бы то ни стало хотѣлъ итти, а мама удерживала его.

— Папа, останься! — просилъ я.

Но меня не хотѣли болѣе слушать.

— Оставь насъ въ покоѣ и не мѣшайся не въ своё дѣло, слышишь?

Мама быстро сдалась, когда папа сказалъ, что если онъ дастъ себя удержать изъ разныхъ опасеній, Поля останется безъ помощи.

— Нѣтъ, нѣтъ, только не это!

— Такъ я сейчасъ же отправлюсь; тутъ всего восемь лье... Я повидаю Поля, узнаю, въ чемъ дѣло и немедленно вернусь, а съ вами за это время, Богъ дастъ, ничего не случится...

Я какъ разъ принесъ съ своего урока клубочекъ корпии и протянулъ его папѣ:

— Отдай это Полю... скажи, что я самъ надергалъ.

Какъ я теперь гордился этой работой, которую недавно презиралъ!

Папа ушелъ. Прошли сутки, а онъ не возвращался. Мама волновалась все болѣе съ каждой минутой.

— Боже мой, Боже мой! Гдѣ же онъ?

День казался невыносимо длиннымъ.

На другое утро насъ разбудилъ грохотъ, похожій на ударъ грома.

— Стрѣляютъ!

Раздались одинъ за другимъ нѣсколько залповъ, должно быть, гдѣ-нибудь близко, затѣмъ гдѣ-то дальше, тише. Раскаты то удалялись, то приближались. Шла непрерывная

пальба. Сосѣди взлѣзли на крышу, смотрѣли въ бинокли, старались разглядѣть, — облака или пушечный дымъ видно на горизонтѣ. Другіе на улицѣ припадали ухомъ къ мостовой, чтобы лучше судить о направленіи, въ которомъ стрѣляютъ. Я ли не желалъ войны? А теперь я всѣ игрушки, всѣ книжки бы отдалъ, только бы ушли воевать куда-нибудь подальше отъ насъ.

Мама стояла на порогѣ и, не спуская глазъ, смотрѣла въ томъ направленіи, откуда долженъ былъ вернуться папа.

Ваню я нашелъ въ комнатѣ папы; онъ снялъ съ гвоздя ружье и заряжалъ его. Я очень огорчился за него.

— Папа тебѣ задастъ! Вѣдь онъ не велѣлъ трогать ружья!

— Играть ружьемъ нельзя, а я его не для игры снялъ, — отвѣчалъ Ваня съ раздраженіемъ.

— Ты хочешь стрѣлять?

— Да, если непріатель придетъ сюда... такъ же, какъ они стрѣляли въ Поля.

Рѣшительный тонъ его произвелъ на меня большое впечатлѣніе.

— Мама не должна ничего знать, понимаешь? Ты не будешь болтать?

Я уже говорилъ, что никогда ничего не скрывалъ отъ мамы. И теперь я не зналъ, какъ мнѣ поступить.

— Общаешься?

— Да, если ты непременно хочешь...

— Развѣ ты не понимаешь, что я ее же хочу защищать? А пугать напередъ не зачѣмъ.

— На маму никто не нападетъ; мы вѣдь не солдаты и не будемъ драться. Это ихъ дѣло!

— Всѣмъ достанется, вотъ увидишь.

Но я ничего больше не хотѣлъ увидѣть! Я ужасно боялся и старался самъ себя убѣдить въ томъ, что ничего больше страшнаго не будетъ. Это плохо удавалось мнѣ, но примѣръ Поля немного поддержалъ мое мужество и напомнилъ мнѣ о моихъ обязанностяхъ: надо было вооружиться. Конечно, ружье мое было игрушкой, я понималъ это, но сабля — дѣло другое, особенно послѣ того, какъ я упротеръ служанку наточить ее такъ, какъ она точила столовые ножи. Только мала она очень была, не страшна. Люси разсмѣялась, когда я общалъ ей свою защиту. Этого я не заслужилъ, такъ какъ предложилъ ей свои услуги совсѣмъ не изъ хвастовства, а потому, что очень ее любилъ и по-

н

лагаль, что маленькую дѣвочку защищать мнѣ болѣе по силамъ, чѣмъ взрослому человѣку.

Люси и сама замѣтила, что напрасно меня обидѣла, и сказала:

— Ну, не сердись! Я очень тебѣ благодарна!

Вслѣдъ затѣмъ она опять убѣжала домой. И у нея на душѣ было такъ неспокойно, что ни играть, ни сидѣть смирно она не могла. На прощанье она вдругъ обняла меня и крѣпко поцѣловала въ обѣ щеки, точно мы навсегда разставались. Я не выдержалъ и расплакался.

Къ вечеру вдругъ кто-то сильно позвонилъ у дверей.

Мы всѣ вскочили и бросились открывать.

— Папа, папа! Слава Богу!

Но, — увы! — мы ошиблись. Это была кучка солдатъ и городскихъ жителей, которые переходили изъ дома въ домъ, прося всѣхъ, кто чѣмъ могъ, помочь раненымъ. Мама собрала бѣлья, платья, вина, все, что могло пригодиться, и отдала имъ.

— Развѣ сраженіе близко? Кто побѣдилъ? — спрашивала она.

— Мы опять разбиты... Сейчасъ арьергардъ займетъ городъ, чтобы прикрыть отступленіе. Надо приготовиться... Не теряйте ни минуты...

По чьему-то указанію на чердакъ внесли ведра съ водой, на случай, если бы бомба попала въ крышу и зажгла домъ. Окна загородили матрацами отъ пуль. Проживи я сто лѣтъ и еще столько же, — никогда не забыть мнѣ всего этого ужаса!

Всѣ потеряли голову отъ страха. Я былъ ни живъ, ни мертвъ. Мама почти безъ памяти упала въ кресло и звала папу, который не могъ ея слышать.

Ваня сидѣлъ въ углу, не спуская глазъ съ ружья. Я зналъ, что онъ думаетъ, но данное обѣщаніе заставило меня молчать. Прошло нѣсколько времени. Ваня подошелъ къ окну и раздвинулъ немного матрацы.

— О! — вырвалось у него.

Крыши, колокольни, все небо освѣщено было краснымъ заревомъ, какъ отъ огромнаго костра.

— Это деревни горятъ...

Деревни горятъ? Тѣ самыя деревни, куда мы лѣтомъ ходили по воскресеньямъ, гдѣ было такъ хорошо, зелено, весело! Гдѣ столько было смѣшныхъ барашковъ, утокъ, куръ! Гдѣ были такія вкусныя лепешки и молоко!

Барашки, утки, куры, — неужели они сгорятъ? За что? Никто не могъ заснуть въ эту ночь. Ты можешь себѣ представить, что это была за ночь! На всѣхъ колокольныхъ били въ набатъ, и отъ этого тоскливаго, тревожнаго звона становилось еще страшнѣе. На улицахъ стояли шумъ, стукъ, крикъ; громоздили баррикады. Городскіе жители цѣлыми семьями бѣжали изъ города, куда глаза глядятъ, унося въ рукахъ, что имѣли цѣннаго, или въ тачкахъ увозя свое имущество.

Я тоже хотѣлъ бѣжать куда-нибудь.

— Уйдемъ!.. Уйдемъ!.. — твердилъ я.

— Куда, глупенькій? Развѣ ты насъ проведешь? Кругомъ войско? А какъ же насъ тогда найдетъ папа?

Фидо жалобно вылъ въ саду. Къ утру я заснулъ, совсѣмъ измученный.

VII.

Чуть свѣтало, когда меня разбудилъ какой-то новый грохотъ. Мама и Ваня смотрѣли изъ окна на улицу. Мимо насъ во весь карьеръ везли пушки, которыя, казалось, не катились, а скакали по мостовой и заставляли дрожать весь домъ. Оглушительная пальба все усиливалась. Въ воздухѣ то и дѣло вспыхивали точно молнии.

— Я спать хочу... — сказалъ я. Но это была неправда, я только хотѣлъ бы опять заснуть, чтобы не видать ничего, что такъ меня пугало. Какъ бы не такъ! Заснешь тутъ!

Пальба на обоихъ концахъ улицы не прекращалась. Стекла дребезжали. Слышенъ былъ трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, — короткий, сухой, въ родѣ того, какой бываетъ, если сыплоть на полъ горохъ.

Фидо бѣгалъ отъ одного къ другому, визжалъ, какъ будто жалуясь на то, что мы не всѣ въ сборѣ, или предупреждая насъ о близкой опасности.

Вдругъ что-то со свистомъ разорвалось въ воздухѣ.

— Бомба!

Еще, еще! Четыре бомбы, одна за другой!

Поднялся трескъ, какъ отъ огромнаго фейерверка.

— За ратушей черный столбъ дыма! — объявилъ Ваня. — А, а! Вотъ и огонь...

— Боже милосердый! Неужели будутъ жечь мирный городъ?

— Они не хотят дать нашим солдатам въ городъ укрѣпиться.

Опять свистъ и шипѣнье бомбы, и на этотъ разъ страшный трескъ и грохотъ надъ нашими головами. Окна со звономъ разлетѣлись вдребезги. Мебель запрыгала. Фидо бѣшено залаяло. На насъ со всѣхъ сторонъ градомъ посыпались кирпичи, обломки.

— Въ насъ попало? Въ сосѣдскій домъ?

Нѣтъ, не къ намъ, такъ какъ мы еще живы!

— Къ сосѣдямъ, къ сосѣдямъ!— закричала служанка изъ сада; она спряталась тамъ, не рѣшаясь оставаться въ домѣ.— Крышу проломило! Домъ горитъ!

— Люси!.. Люси!..— принялся я кричать.

Мама схватила меня на руки.

— Замолчи!

Но я все кричаю:

— Люси!.. Люси!..

— Люси нѣтъ, она съ матерью ночью уѣхала изъ города!

— Уйдемъ и мы!

— Куда?.. Какъ?

Нашъ домъ оказался теперь въ самомъ центрѣ сраженія. Нестерпимый трескъ, громъ, топотъ, крики наполняли воздухъ, и если этотъ шумъ и затихалъ на минуту, то такая сравнительная тишина была еще страшнѣе. Откуда-то издалека доносился глухой, жуткій, все усиливающийся гулъ.

Вдругъ опять: лошадиный топотъ, спѣшные шаги, крики.

Дзынь! Еще стекло разбито. Лампа летитъ внизъ и разбивается. Въ зеркалѣ трещины протянулись звѣздой изъ середины къ краямъ, и изъ центра этой звѣзды посыпались мелкіе осколки. Это пуля попала.

Внизу кто-то колотитъ въ дверь, въ ставни; хотятъ войти, чтобы потомъ стрѣлять изъ оконъ на улицу.

Въ кого? Въ нашихъ?

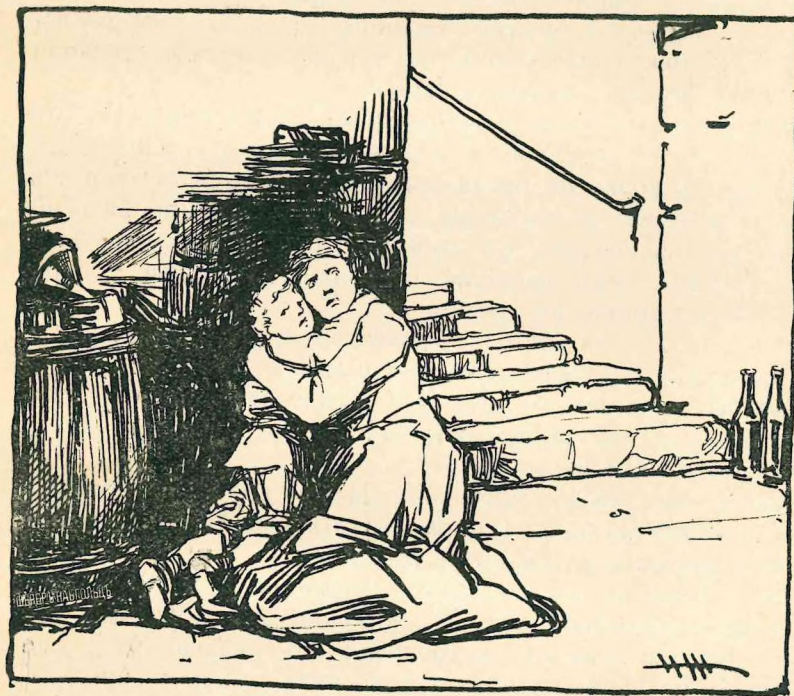
Ваня беретъ ружье и идетъ внизъ.

— Несчастный ребенокъ, куда ты?.. Ваня! Ваня!—кричитъ мама, хватаясь за голову.

Ваня не отвѣчаетъ, не останавливается. Фидо съ громкимъ лаемъ бѣжитъ за нимъ—защищать домъ. Мама рванулась за Ваней; я уцѣпился за ея платье, не пуская ея.

Вдругъ страшный трескъ и грохотъ, такой, что мы оба не устояли на ногахъ.

Черезъ мгновеніе мама вскочила, схватила меня на руки, сбѣжала внизъ по черной лѣстницѣ въ подвалъ и, чуть живая, упала у входа. Сколько времени мы такъ пролежали, не шевелясь, не смѣя вздохнуть громко? Не знаю—много, много часовъ, можетъ-быть. Я только слышалъ, какъ билось сердце мамы и мое собственное. Иногда мама открывала

Сколько времени мы тамъ пролежали,—не знаю...

губы и беззвучно что-то шептала; по движенію губъ я понималъ, что она говорила:

— Ваня!.. Ваня!..

Лая больше не слышно было; Фидо, навѣрно, спасся бѣгствомъ вмѣстѣ съ Ваней. А впрочемъ въ этомъ ужасномъ шумѣ ничего нельзя было разобрать.

Что происходитъ? Что съ нами будетъ? Мы ничего не знали. Черный, ѣдкій, удушливый дымъ наползалъ въ подвальное окно. Намъ казалось, что весь домъ рухнетъ надъ

война.

нами и завалить насъ, но уже ни силы, ни воли спастись, бѣжать куда-нибудь у насъ не было...

Наконецъ, шумъ сталъ стихать, удалился какъ будто; чередъ, очевидно, дошелъ до другихъ улицъ. Теперь можно было различать отдѣльные звуки: лошадиный топотъ, грохотъ проѣзжавшей артиллеріи, которая, казалось, должна была все опрокинуть и сокрушить на своемъ пути. Слышны были крики команды — на чужомъ языкѣ...

Враги!.. Мы въ ихъ рукахъ... Слышно было, какъ наверху все разбивали прикладами ружей, такъ что своды подвала дрожали.

— Ваня, Ваня!.. Пощадите Ваню!

Мама вскочила на ноги и бросилась къ лѣстницѣ. Я охотнѣе бы остался въ подвалѣ, но какъ удержать маму? Да и раздумывать долго не пришлось! Не успѣлъ я опомниться, какъ сверху, на голосъ мамы, сбѣжало человѣкъ пять неприятельскихъ солдатъ. Съ шумомъ, крикомъ, они окружили насъ, грозили намъ штыками и саблями. Ужасные, свирѣпые, всѣ въ крови, въ грязи!

Они чего-то отъ насъ требовали, что-то спрашивали, но мы ни звука не понимали на ихъ языкѣ.

Мнѣ было совсѣмъ не по себѣ! Они начали шарить кругомъ, по всѣмъ угламъ, заглядывать въ бочки и потомъ грубо почти вытолкали насъ наверхъ.

Какое тамъ было разореніе! Наша гостиная, которую мама держала въ такомъ порядкѣ, столовая! Все вездѣ опрокинуто, разбито, изломано, истоптано!

Насъ привели къ какому-то военному страшнаго вида; высокій, съ большой рыжей бородой, онъ показался мнѣ похожимъ на льва или на людоѣда изъ сказки. Это, очевидно, былъ офицеръ, хотя я и не видалъ на немъ никакихъ знаковъ отличія. Онъ говорилъ по-французски. Мама сказала ему, что мы все время были въ подвалѣ.

— Вы здѣсь не одни живете. Гдѣ мужчины?

— Мой мужъ... старикъ... онъ ушелъ дня два тому назадъ искать раненаго сына...

— Отсюда кто-то стрѣлялъ.

— Не знаю...

— Вы поплатитесь за него, если не выдадите... таковъ военный судъ.

— Какъ я могу что-нибудь знать? Я все время съ сыномъ была въ подвалѣ... если безъ моего вѣдома кто-нибудь вошелъ...

— А вотъ увидимъ,—оборвалъ офицеръ:—поищемъ, а если кого найдемъ, не поцеремонимся и съ тѣми, кто насъ обманываетъ.

Онъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто въ кого стрѣляетъ, объясняя этимъ, какъ собирался наказать насъ,—очевидно, чтобы запугать маму. Но мама не шевельнулась. Они, казалось, не нашли Ваню, и она хотѣла заставить ихъ думать, что насъ только двое... Она опиралась на мое плечо, и я чувствовалъ, что она шатается на ногахъ. Какъ ни былъ я слабъ и малъ, я старался стоять твердо и прямо, чтобы поддержать ее.

И вдругъ... охъ, я самъ чуть не упалъ! Я увидалъ на порогѣ вытянутаго неподвижно Фидо, съ большой, страшной раной! Бѣдный, милый Фидо!

Съ душу раздирающимъ крикомъ бросился я къ трупъ собаки, звалъ ее по имени, плакалъ; Фидо не могъ ни слышать меня, ни отвѣтить, но мама крѣпко, до боли, пальцами сжимала мое плечо, и я понялъ ее: Фидо выбѣжалъ навстрѣчу неприятелю вмѣстѣ съ Ваней, и я теперь нечаянно какъ-нибудь могъ выдать брата.

Я сдѣлалъ геройское усиліе, подавилъ слезы и замолчалъ. Вернулся патруль, обыскивавшій домъ. Привели обезумѣвшую отъ страха служанку, которую нашли гдѣ-то въ саду. Ее не могли заподозрѣть въ стрѣльбѣ, и насъ втроемъ оставили въ углу, какъ плѣнныхъ. Кромѣ всѣхъ этихъ солдатъ и офицера, въ комнатѣ былъ еще раненый; онъ лежалъ на чемъ-то въ родѣ постели, устроенной изъ сорванныхъ шторъ и драпри, и жалобно стоналъ.

Офицеръ подошелъ къ мамѣ и сказалъ нѣсколько инымъ тономъ, чѣмъ говорилъ раньше:

— Не окажете ли вы какой-нибудь помощи раненому, сударыня?

Мама не отказалась. Она ко всѣмъ была добра, а потомъ я подумалъ, что она этимъ хочетъ заслужить помилованіе Ванѣ.

Ночь приближалась. Мы со вчерашняго дня ничего въ ротъ не брали, и теперь это начинало сказываться... А тутъ еще солдаты на моихъ глазахъ опустошали шкафы, облизываясь, уничтожали варенье, котораго намъ давали понемногу только по праздникамъ, или засовывали полныя баночки въ ранцы. Другіе приносили украденныя ими изъ погребовъ бутылки вина и тутъ же ихъ выпивали. Скоро

солдаты напились пьяными и начали доламывать все, что оставалось еще не разрушенным вокруг. Къ намъ они обращались на своемъ языкѣ, съ насмѣшками и угрозами, и хохотали надъ своими шутками, а мы дрожали отъ страха.

Я былъ такъ изумленъ, что едва ли понималъ и видѣлъ весь ужасъ и безобразіе этой сцены, и не могъ сознать всей опасности, которой мы подвергались.

Офицеръ хватилъ одного солдата револьверомъ по головѣ.

Вдругъ на улицѣ опять раздался барабанный бой, и куда-то уходившій офицеръ поспѣшно вошелъ къ намъ. Тревога! Они должны были уходить. Гдѣ-то вдалекѣ опять гремѣли пушки... Но солдаты не хотѣли отправляться въ дорогу: они, казалось, думали, что довольно дрались наканунѣ и теперь предпочитали грабить. Нѣкоторые уже спали на полу. Офицеръ толкалъ ихъ, кричалъ, бранился; надѣлялъ ударами своей тяжелой палки тѣхъ, кто не сразу слушался, а одного даже хватилъ револьверомъ по головѣ...

Но и уходя, они еще довершили разгромъ, какъ бы въ отместку за то, что имъ самимъ доставалось. По стѣнамъ у насъ висѣли картины. Папа очень любилъ ихъ, говорилъ, что это рѣдкія, удивительныя вещи, что онѣ стоятъ цѣлаго капитала. И эти-то картины теперь пьяные, одичалые солдаты прокалывали штыками.

Когда, наконецъ, вышелъ послѣдній изъ солдатъ, офицеръ, который все время дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, подошелъ къ мамѣ, вѣжливо приложилъ руку къ козырьку и пробормоталъ:

— Ничего не подѣлаешь — война!..

Ему, очевидно, было все-таки стыдно за своихъ. Опять забили барабаны. Ушелъ и онъ.

VIII.

Мы остались одни съ раненымъ.

— За нимъ надо ходить, — сказала мама. — Смотри, какъ онъ страдаетъ, этотъ несчастный! Боже мой, неужели такъ страдаетъ и нашъ бѣдный Поль?!

Утро ли это было, вечеръ ли, нельзя было различить. Днемъ было темно отъ дыма, ночью свѣтло отъ зарева. Вездѣ были пожары; чуть ли не весь городъ горѣлъ. По улицѣ взадъ и впередъ ходили часовые, наблюдая за побѣжденными. Слышны были оклики на непонятномъ языкѣ; иногда выстрѣлъ, и эти отдѣльные выстрѣлы въ тишинѣ пугали болѣе, чѣмъ сплошная пальба: это стрѣляли въ тѣхъ, кто не отвѣчалъ на оклики часовыхъ. Гдѣ были папа, Ваня? Отчего они не вернулись? Что съ ними? Что будетъ съ нами безъ нихъ? До тѣхъ поръ всѣ испытанные ужасы не давали опомниться, по крайней мѣрѣ, мнѣ. Сознаніе, что вотъ-вотъ тебя убьютъ, не допускало никакихъ размышлений. Теперь, казалось, мы были избавлены отъ непосредственной опасности; у насъ на глазахъ не было болѣе дерущихся солдатъ, и это было еще хуже, чѣмъ все предыдущее! Гдѣ наши? Не въ сраженіи ли? Вернутся ли? Въ какомъ состояніи? Не убиты ли? Съ ума можно было сойти отъ всѣхъ этихъ предположеній!

Ахъ, зачѣмъ я не былъ взрослымъ? На что я теперь годился? Только плакать я могъ, да и того нельзя было, ради мамы, отчаяніе которой приводило меня въ невыразимый ужасъ.

И вотъ — это было на другой день, если не ошибаюсь, да, на другой день, такъ какъ ужъ давно разсвѣло — вбѣгаетъ сосѣдка:

— Барыня, барыня!.. Я сейчасъ вашего мужа видѣла... На площади... Плѣннымъ!

Мама вскрикнула, бросилась къ двери и исчезла. Я остался одинъ. Какъ я заревѣлъ! Мама вернулась, подхватила меня какъ перышко на плечи. Иначе мнѣ ни за что бы не поспѣть за ней, — такъ быстро она бѣжала по улицѣ; да не бѣжала — летѣла...

Часовые хотѣли ее остановить. Она вырвалась. Къ счастью, уже не стрѣляли...

Я крѣпко держался за ея шею и озирался кругомъ со страхомъ.

Мы приближались къ площади; улицы все были знакомы, но до чего онѣ измѣнились! Дома закопѣлые, всѣ въ трещинахъ, такъ что вездѣ можно было заглянуть внутрь дома.

Колокольня, гдѣ такъ шумно звонили по праздникамъ, была совсѣмъ разрушена. На мостовой валялись всякіе дымящіеся обугленные обломки, а раненыхъ, раненыхъ сколько несли!

Я не зналъ, куда смотрѣть, чтобы не видать этихъ носилокъ, и если бъ не мысль — найти наконецъ папу, я навѣрно бы убѣжалъ куда глаза глядятъ. Найти папу, слышать его голосъ, держать его за руку, чувствовать себя подъ его покровительствомъ! Никакое войско, пули, сабли, пожары не остановили бы меня, кажется!

Вотъ мы на площади! Сколько военныхъ, все непріатели! Вездѣ, вездѣ они! Отовсюду насъ гонять, не обращая вниманія на мольбы мамы.

Мама подняла меня какъ можно выше.

— Смотри, не увидишь ли отца?

Я вытянулся, держась за голову мамы, и у дверей ратуши увидѣлъ группу людей въ статскомъ платьѣ; тамъ былъ и папа.

— Да, да!.. Вотъ онъ!

Мама оттолкнула двухъ солдатъ, которые ружьями загородили намъ дорогу. Никогда бы я не подумалъ, что у нея хватить на это силы!

Папа увидалъ насъ. Онъ стоялъ въ толпѣ плѣнныхъ, подъ конвоемъ, какой блѣдный!

Дальше насъ опять не пускали.

— Поль?.. Поль?.. — крикнула мама съ отчаяніемъ.

— Убить! — отвѣчалъ папа знакомъ.

Мама опустила меня на землю и, рыдая, опустилась на колѣни. Я плакалъ; хотѣлъ видѣть папу, но его уже увели куда-то. Я началъ громко кричать отъ страха. Вдругъ раздалась какая-то команда, лошадиный топотъ; на насъ галопомъ налетѣли всадники. Еще немного — и насъ раздавили бы! Лошадь какого-то стараго военнаго взвилась надъ нами на дыбы и отшатнулась въ сторону. Онъ кричить, сердится: зачѣмъ насъ пропустили? Это, должно-быть, генераль, весь въ орденахъ. Лицо у него не злое... Онъ соскочилъ съ лошади, подошелъ, пристально посмотрѣлъ на насъ, что-то спросилъ у окружающихъ и велѣлъ намъ итти за собою. Мы прошли за линію конвойныхъ, гдѣ за столомъ сидѣли какіе-то офицеры, очень злые и сердитые на видъ. Папа стоялъ передъ ними. Генераль о чемъ-то спросилъ его, потомъ маму и затѣмъ обратился къ офицерамъ; онъ хотѣлъ, чтобы папу отпустили. Другіе на это не соглашались, особенно одинъ; онъ настаивалъ на томъ, чтобы папу разстрѣляли. Да — разстрѣляли.

Я крѣпко держался за мамину шею.

Какъ мнѣ рассказали послѣ, папу арестовали ночью, въ то время, какъ онъ старался пробраться сквозь линію непріятельскаго войска, чтобы вернуться къ намъ. На допросѣ онъ сказалъ, кто онъ, гдѣ былъ и куда шелъ, но ему не повѣрили, сочли его за шпиона. А его гордость и то, что онъ не выказалъ страха, только раздражали офицеровъ. Если бъ мама не пришла, если бъ не попался старый генераль, если бъ онъ надъ нами не сжалился, — папу навѣрное бы разстрѣляли!

Наконецъ, насъ отпустили, дали бумагу, по которой насъ

«они настаивали на томъ, чтобъ папу
разстрѣляли...»

///

и дальше должны были безпрепятственно пропускать, и мы пошли домой по тѣмъ же самымъ разореннымъ улицамъ. Что это было за печальное возвращеніе! Никогда мнѣ его не забыть! Убитая горемъ, мама еле двигалась, сгорбившись, задыхаясь отъ слезъ. Папа, измученный, въ грязномъ, изорванномъ платьѣ, шелъ, понуря голову, и выпрямлялся, сжимая кулаки, когда чувствовалъ, что на него смотрятъ непріатели. На каждомъ шагу насъ задерживали часовые, читали пропускъ, подозрительно оглядывали насъ. Я ни на шагъ не отставалъ отъ папы; у меня было очень тяжело на душѣ, но я такъ радъ былъ папѣ! Его присутствіе ободряло меня.

Дома Вани все не было. Изъ сосѣдей никто ничего не зналъ о немъ.

Мама плакала и повторяла:

— Убили! Убили и его... не довольно было имъ одного!

Папа старался успокоить, обнадежить ее:

— Да нѣтъ же! Онъ живъ — я увѣренъ... Онъ, должно быть, бѣжалъ съ нашими послѣ того, какъ выстрѣлили. Онъ тамъ въ большей безопасности, чѣмъ былъ бы здѣсь.

— О, да будетъ проклята война!

Папа молчалъ, и мнѣ казалось, что и въ его молчаніи тоже лежитъ проклятіе войны.

Папа старался казаться болѣе спокойнымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, чтобы ободрить насъ. Весь день онъ бѣгалъ со своимъ пропускомъ, стараясь узнать что-нибудь о Ванѣ, осторожно, обиняками, чтобы не возбудить подозрѣнія, и возвращался ни съ чѣмъ, утомленный, обезкураженный.

Я долженъ былъ обѣщать ни слова не говорить о Ванѣ, не произносить его имени, такъ какъ домъ былъ всегда полонъ непріателей. Они приходили и уходили, когда хотѣли, пили, ѣли, уносили иногда съ собой изъ нашихъ вещей, что имъ нравилось, безъ спроса, грубо, нахально. Папа иногда готовъ былъ потерять терпѣніе, выйти изъ себя; мама уговаривала его:

— Ради Бога, успокойся, потерпи!.. Они побѣдители и дѣлаютъ, что хотятъ!.. Они не пощадаютъ тебя, а ты у насъ одинъ остался!.. Если бы они узнали, что стрѣлялъ Ваня, мы поплатились бы за него.

И жизнь подъ такимъ постояннымъ страхомъ была такъ ужасна, что ты и представить себѣ не можешь! Не дай тебѣ Богъ испытать что-либо подобное!

Понемногу непріательское войско стали переводить куда-то изъ города: намъ стало легче. Раненаго перемѣстили еще раньше въ лазаретъ. За него, кажется, съ нами обращались нѣсколько лучше, и мама изъ жалости къ нему, а, можетъ-быть, отчасти и изъ чувства благодарности, продолжала его навѣщать. Я ходилъ съ нею не потому, чтобы мнѣ хотѣлось видѣть больного, но чтобы не оставаться одному: я этого теперь боялся.

Я обыкновенно прятался за маму, чтобы быть незамѣченнымъ, но мнѣ не всегда удавалось это, и тогда раненый смотрѣлъ на меня, не сводя глазъ. Глаза у него были добрые, но я все-таки боялся его, — вѣдь это былъ врагъ. Мама была къ нему очень ласкова и говорила съ нимъ, пользуясь немногими словами на его языкѣ, которыя узнала за это время; онъ отвѣчалъ такъ же тихо, слабымъ голосомъ. Однажды онъ смотрѣлъ на меня какъ-то особенно грустно; мама велѣла мнѣ подойти поближе къ нему. Я не хотѣлъ, упирался, но мама подвела меня къ постели. Тогда больной освободилъ изъ одѣяла руку и нѣсколько разъ провелъ ею по моей головѣ. Рука была совсѣмъ холодная. Я содрогнулся, но убѣжать было нельзя: мама крѣпко держала меня. Тогда онъ слабо улыбнулся и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ; я увидаль, какъ у него по блѣднымъ, какъ воскъ, щекамъ къ бѣлокурымъ усамъ скатились двѣ слезы...

Это меня ужасно смутило. Когда мы вернулись домой, мама сказала мнѣ, чтобы я впредь былъ какъ можно ласковѣе съ раненымъ; я протестовалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я его ненавижу. Онъ — врагъ!

— Онъ не виноватъ, такъ же, какъ и мы не виноваты въ войнѣ... Онъ очень несчастенъ... У него дома остался сыночекъ твоихъ лѣтъ, который его любитъ такъ же, какъ и ты меня, и ему онъ дорогъ такъ же, какъ и ты мнѣ. Онъ говоритъ, что ты на него похожъ и что ему кажется, что онъ видитъ своего мальчика, когда ты приходишь.

Я былъ упрямъ и отвѣчалъ сухо:

— Я ненавижу враговъ.

— Ты дурной мальчикъ! — сказала мама и долго послѣ не хотѣла со мной говорить. А я между тѣмъ только притворялся: мамини слова меня очень тронули, но мнѣ казалось это недостойной слабостью для мужчины. Между тѣмъ мнѣ было очень жаль этого другого мальчика, который тамъ, гдѣ-то далеко, дожидался своего, тяжело страдавшаго теперь,

больного отца... Вѣдь если бы папа былъ немного помоложе, его тоже послали бы на войну, а мы дожидались бы его дома... Наши ли или чужіе — всѣ они страдали; всѣмъ было горько разставаться со своими; всѣ не по своему желанію начали войну. Я начиналъ совсѣмъ по-новому понимать вещи; новыя мысли приходили мнѣ въ голову.

Всю ночь мнѣ снился бѣдный брошенный мальчикъ и его больной отецъ, и утромъ я покорно заявилъ мамѣ:

— Ты знаешь? Я съ нимъ буду ласковъ, мама...

— Поздно, милый... его уже нѣтъ...

— Гдѣ же онъ? Уѣхалъ къ своему мальчику?

— Нѣтъ... онъ его не увидитъ больше.

— Никогда?

— Никогда.

Что же съ нимъ случилось? Я понялъ, наконецъ... Онъ умеръ... И мнѣ стало очень грустно. Какъ часто съ тѣхъ поръ я думалъ объ этомъ чужомъ мальчикѣ! Какъ о немъ грустно было думать! Онъ тоже, конечно, былъ моимъ врагомъ, но я его любилъ, — любилъ, не видя, не зная его вовсе, потому что мнѣ было такъ жалъ его!

IX.

Я не стану тебѣ рассказывать всего хода войны; будетъ съ тебя того, что я самъ видѣлъ и пережилъ. Закончилась война гдѣ-то далеко, не въ нашихъ мѣстахъ. Было много страшныхъ битвъ. Осаждали города, выжигали ихъ. Морили жителей голодомъ. Я послѣ узналъ, что мы пострадали гораздо меньше другихъ.

Мнѣ немного осталось тебѣ рассказать. Ничего новаго не случилось: тѣ же самыя были тяжелыя впечатлѣнія, но слабѣе, а потому и воспоминаніе о нихъ сохранилось болѣе смутнымъ. Я захворалъ къ тому же и былъ боленъ очень, очень долго. У меня были страшные кошмары, о которыхъ я и до сихъ поръ вспоминаю съ чувствомъ, похожимъ на страхъ. Во снѣ я постоянно видѣлъ сраженія, всюду меня настигали враги; и даже наяву, когда на улицѣ проходилъ патруль (въ городѣ долго оставалось войско), я холодѣлъ отъ ужаса и зарывался въ подушки. Голова у меня постоянно болѣла. Остались у меня въ памяти наклоненныя надъ мной озабоченныя лица: мамы, папы и нашего старичка-доктора. Помню я, какъ меня заставляли глотать какія-то отвра-

тительныя на вкусъ лѣкарства, насильно разжимая мнѣ ложкой стиснутые зубы. Помню я, что сразу пересталъ упрямиться и началъ принимать все, что было предписано, послѣ того, какъ я увидалъ себя въ зеркалѣ такимъ жалкимъ, осунувшимся, худымъ, я не узналъ себя и такъ самъ себѣ не понравился, что рѣшилъ сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы поскорѣе поправиться. Наконецъ, мнѣ дѣйствительно стало лучше, и мнѣ показали Ваню. Я зналъ, что Поля я больше не увижу. Мнѣ сказали, что и Ваня очень измѣнился; что онъ тоже былъ очень боленъ и еще плохо ходитъ.

Я былъ приготовленъ, но все-таки это было ужасно, когда въ сосѣдней комнатѣ раздался стукъ костылей, совсѣмъ такой, какой я слыхалъ, когда къ намъ на кухню приходилъ безногій, старый калѣка нищій. Ваня въ самомъ дѣлѣ былъ на костыляхъ — стукъ... стукъ... стукъ...

Я такъ и замеръ; но онъ улыбался, — значить, все было въ порядкѣ. Длинный халатъ прикрывалъ ему ноги. Онъ былъ очень блѣденъ, но все-таки его улыбка меня успокоила.

— Ну, что ты на это скажешь? Вотъ я и на четверенькахъ... — сказалъ онъ.

— Ты раненъ?

— Ничего, пустяки...

— А ты не всегда будешь на костыляхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, это я только такъ, лѣнюсь, усталъ... Мнѣ такъ удобнѣй...

— Ты сражался?

— Да... немного...

Мама положила ему палецъ на губы: докторъ запретилъ при мнѣ говорить о войнѣ. Послѣ я узналъ, что Ваня, какъ папа и предполагалъ, бѣжалъ съ нашими солдатами, чтобы не быть разстрѣляннымъ на мѣстѣ.

Скрывая свой возрастъ, онъ принималъ участіе въ сраженіяхъ, былъ раненъ. Папа послѣ долгихъ поисковъ нашелъ его во время моей болѣзни. Я былъ радъ, что онъ живъ и вернулся, и воображалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ совсѣмъ поправиться.

Когда мнѣ позволили, наконецъ, встать съ постели и принесли мнѣ мои книжки и игрушки, я почувствовалъ къ нимъ отвращеніе! Я не хотѣлъ болѣе играть въ солдаты: довольно я насмотрѣлся настоящей войны!

— А что Люси? — спросилъ я послѣ долгаго колебанія:

такъ я боялся услышать, что и съ нею случилась какая-нибудь бѣда.

— Люси вернется съ матерью, когда все совсѣмъ успокоится въ городѣ; ты вѣдь знаешь, что онѣ тогда бѣжали?

И вотъ, наконецъ, папа принесъ извѣстіе о заключеніи мира.

Побѣда осталась за неприятельскими войсками; наша армія все время терпѣла пораженія. Обѣ стороны были такъ истощены, побѣдители не менѣе побѣжденныхъ, что торопились, во что бы то ни стало, кончить войну. Я былъ по крайней мѣрѣ такъ же радъ миру, какъ еще не такъ давно радовался войнѣ. Папа былъ очень мраченъ и покачалъ головой на мой восторгъ.

Это еще не конецъ, — сказалъ онъ, — говорятъ, что неприятель хочетъ оставить за собой нашъ городъ и всю эту часть страны.

— Оставить за собой? Насъ?

— Да, какъ своихъ подданныхъ.

— Да вѣдь они совсѣмъ другой народъ!

— И мы будемъ принадлежать къ нему.

— А нашъ языкъ?

— Мы будемъ говорить на ихъ языкъ.

— Да мы его не знаемъ!

— Насъ заставятъ научиться!

— Развѣ мы должны будемъ ихъ слушаться?

— Во всемъ.

— А если опять будетъ война?

— Они возьмутъ насъ въ свое войско.

Я совсѣмъ растерялся: такъ это мнѣ казалось непонятно.

— Да я не хочу!.. Не хочу!

— А тебя спросятъ?

— А если мы всѣ откажемся?

— Насъ посадятъ въ тюрьму... На войнѣ — кто сильнѣе, тотъ и забираетъ власть и богатства. Если бъ насъ спрашивали, согласны ли мы отдавать свое имущество, подчиняться чужой волѣ, такъ это была бы уже не война!.. Богъ имъ судья!

Никогда еще я не видалъ папу въ такомъ возбужденіи. Я тогда не понималъ, да и ты сейчасъ не можешь дать себѣ отчета въ томъ, какія огорченія и опасенія мучали папу.

Къ счастью, опасенія эти не всѣ исполнились: нашъ городъ остался свободнымъ.

Въ тотъ день, когда былъ объявленъ миръ, меня въ первый разъ выпустили въ садъ. Черный костюмъ, въ который

меня одѣли, былъ мнѣ очень не по вкусу, но мама сказала, что это — трауръ, и я, конечно, не возражалъ болѣе. Папа и мама тоже были въ черномъ. Была чудесная погода; птицы пѣли, цвѣли цвѣты. Можно было бы подумать, что никакой бѣды и не было, если бы не обгорѣлые, полуразрушенные дома. А это мѣшало радоваться и солнцу, и птицамъ, и цвѣтамъ.

Я думалъ о Полѣ, который всего этого не увидитъ болѣе о томъ, что мнѣ никогда болѣе не играть съ Фидо.

Вдругъ раздался знакомый свистъ. Я вздрогнулъ: это — Люси!

И въ самомъ дѣлѣ, калитка отворилась, и въ садъ вбѣжала Люси. Она была тоже въ траурѣ; ея брата тоже убили на войнѣ. Намъ было не до прежнихъ игръ. Мы смиренно сидѣли на скамейкѣ и рассказывали другъ-другу вполголоса обо всемъ страшномъ и грустномъ, что пережили за это время...

Черезъ нѣсколько недѣль неприятель очистилъ городъ, и мы съ папой отправились на площадь встрѣчать наше вернувшееся войско. Опять-таки у нашихъ солдатъ не было ни плюмажей, ни галуновъ, но какъ имъ были рады!

Я сорвалъ фуражку, сталъ махать ею и изо всѣхъ силъ хотѣлъ кричать „ура“, заодно съ другими; но волненіе сжимало мнѣ горло — я могъ только какъ-то странно пищать! Кругомъ всѣ плакали: мужчины, взрослые, и я пересталъ сдерживать подступившія слезы.

На другой день пришли рабочіе, и по всей улицѣ началась починка домовъ. Скоро она приняла прежній видъ, но этимъ не вся бѣда была поправлена: въ каждомъ домѣ оплакивали потерю близкихъ людей. У насъ было очень печально: никто не смѣялся, не шутилъ болѣе. Мама какъ-то вдругъ состарѣлась, волосы у нея посѣдѣли; она не играла болѣе на фортепіано, не ходила въ гости; ничѣмъ какъ будто не интересовалась. Подолгу молча сидѣла она въ креслѣ, какъ въ забытѣ. Лицо у нея всегда было грустное, такое же, какъ мысли, навѣрное...

Ваня все не бросалъ своихъ костылей, и, наконецъ, я узналъ то, что такъ долго мнѣ не хотѣли говорить, жалѣя меня: Ваня совсѣмъ лишился обѣихъ ногъ. Можешь себѣ представить, каково было видѣть его калѣкой на всю жизнь! Онъ не жаловался, какъ будто примирился съ своей участью, но я чувствовалъ, что онъ только не хотѣлъ своимъ горемъ еще болѣе печалить насъ. Ему дали медаль, онъ носилъ ее

въ петлицѣ на ленточкѣ, но, все-таки я думаю, онъ охотно бы отдалъ ее, если бы этимъ могъ вернуть свои ноги...

Папа тоже быстро постарѣлъ. Какъ только миръ былъ заключенъ, онъ вернулся на службу и работалъ больше прежняго, но дѣла никакъ не могли поправиться, — такъ ихъ подорвала война! Приходилось сокращать расходы на столъ, на отопленіе, освѣщеніе, на удовольствіе. Папа постоянно что-то вычислялъ съ угрюмымъ видомъ.

Разъ онъ позвалъ меня и сказалъ:

— Послушай, дружокъ, мнѣ надо сказать тебѣ кое-что очень серьезное: если бы все шло по-старому, ты бы еще долго могъ жить такъ счастливо и спокойно, какъ жилъ до войны, учиться не торопясь, со временемъ выбрать себѣ какую захотѣлъ бы карьеру. Мы до тѣхъ поръ съ братьями заботились бы о тебѣ, но теперь дѣло друго... Тебѣ надо спѣшить! Поля не стало! Ваня ничего не можетъ сдѣлать для насъ; о немъ самомъ надо всю жизнь будетъ заботиться. Я одинъ не могу заработать столько, сколько намъ нужно. Кромѣ тебя, у меня нѣтъ помощника. Тебѣ надо приниматься скорѣе за работу, за какое-нибудь ремесло; за что именно, я еще не знаю, это будетъ зависѣть отъ того, къ чему у тебя окажутся способности, но, во всякомъ случаѣ, это — не забава, не легко... Только помни, что работать — долгъ всякаго человѣка. Тебѣ приходится начинать раньше другихъ, что же дѣлать? Теперь ты поступишь въ школу, будешь стараться учиться хорошо, чтобы скорѣй стать человѣкомъ, помощникомъ для тѣхъ, кто до сихъ поръ все для тебя дѣлалъ... Понимаешь?

Пришелъ конецъ моему беззаботному существованію. Мнѣ стало немножко жутко, немножко грустно, но, съ другой стороны, какъ я гордился тѣмъ, что стану полезнымъ, нужнымъ человѣкомъ, помощникомъ папы! Я обѣщала исполнить свой долгъ и такъ твердо рѣшила сдержать слово, что не могъ сомнѣваться въ успѣхѣ.

О военной карьерѣ я давно перестала мечтать и уже не хотѣла быть генераломъ, не хотѣла побѣждать кого бы то ни было! Я знала войну теперь не только по картинкамъ, — я знала, сколько она приноситъ горя и бѣдствій, понимала, что войны нельзя желать!..

Вотъ и все!

к о н е ц ъ .

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

12 книгъ, по 1200 стр.
12 приложений, до 500
иллюстрацій.

„МАЯКЪ“

4 РУБЛЯ
ВЪ ГОДЪ
съ пересылк.

Для дѣтей старшаго и средняго возраста съ отдѣломъ для маленькихъ.

Подъ редакціей **И. Горбунова-Посадова.**

При участіи постоянныхъ сотрудниковъ „Библиотеки И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества“.

Редакція „Маяка“ стремится дать дѣтямъ здоровое, полезное и интересное чтеніе и способствовать развитію въ дѣтяхъ самостоятельности, творчества, равной любви къ умственному и физическому труду и дѣятельной симпатіи ко всему живому.

Въ журналѣ помѣщаются: 1) Разказы, повѣсти и стихотворенія. 2) Географическіе очерки и путешествія. 3) Историческіе очерки и біографіи. 4) Бесѣды по естествознанію и наблюденіямъ природы. 5) Объ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ. 6) Переписка читателей и редакціи. 7) Смѣсь (задачи, игры, шутки и т. д.).

Въ числѣ 12 приложений даются книги и чертежи о томъ, какъ дѣтямъ самимъ дѣлать интересные для нихъ приборы, машины, какъ дѣлать опыты и наблюденія, совѣты о рисованіи, вообще руководство къ разнымъ занятіямъ и играмъ въ комнатѣ и на воздухѣ и т. д.

Въ текстѣ журнала и приложений помѣщается множество иллюстрацій.

Журналъ допущенъ по предварительной подпискѣ въ городскія училища, въ библиотеки ремесленныхъ, профессиональныхъ и техническихъ училищъ всѣхъ типовъ и въ ротныя библиотеки 1-го и 2-го классовъ кадетскихъ корпусовъ. Рекомендованъ для пополненія библиотекъ въ Обществахъ трезвости.

Изъ отзывовъ печати: „Педагогич. Лист.“: „Маякъ“ прекрасный журналъ для дѣтей. Мастерски осуществляетъ намѣченный цѣли. Беллетристика журнала даетъ дѣйствительно здоровое и полезное чтеніе. Очень содержательны очерки, посвящен. разнымъ выдающимся людямъ. Приложеніями вводится въ семью интересный и полезный матеріалъ. Большое количество рисунковъ, чисто воспроизведенныхъ, прекрасная бумага, четкій и удобочитаемый шрифтъ. „Петербург. Вѣд.“: Статьи по географіи и этнографіи, а также путешествія очень увлекательны по формѣ и изобилуютъ полезными научн. свѣдѣніями. Статьи по уходу за растеніями, ручному труду и искусствамъ развиваютъ въ дѣтяхъ сообразительность, терпѣніе и ловкость. Журналъ способствуетъ расширенію кругозора дѣтей, развитію въ нихъ самостоятельности и стремленія къ развитію и указываетъ имъ свѣтлые, чистые идеалы любви ко всему живому. „Кіевск. Вѣсти“: Цѣль журнала вполне соответствуетъ задачамъ современной педагогики. „Русск. Вѣдом.“: Въ „Маякѣ“ мы видимъ продуманную, идейно, дѣятельно развивающуюся въ намѣченномъ направленіи работу. Мы признаемъ появленіе его весьма цѣннымъ обогащеніемъ нашей дѣтской журналистики. „Народн. Учит.“: Отдѣлъ для маленькихъ составляетъ занятно, интересно, содержательно. „Современный Мір“: Журналъ дѣйствительно даетъ хорошее и занимательное чтеніе.

Подписная плата съ пересылкой въ годъ 4 р., за полгода 2 р. За границу 6 р. Въ Москвѣ безъ доставки на домъ 3 р. 50 к., на полгода 1 р. 75 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Маякъ“: Москва, Дѣвичье поле, Трубецкой пер., домъ № 8.

Издательница **М. В. Горбунова.** * Редакторъ **И. И. Горбуновъ-Посадовъ.**